

Последнее Небо

Наталья Игнатова

Зверь

Наталья Игнатова

Последнее небо

«Наталья Игнатова»

2001

Игнатова Н. В.

Последнее небо / Н. В. Игнатова — «Наталья Игнатова»,
2001 — (Зверь)

Книга об увлекательных приключениях оборотня и кровавого убийцы по прозвищу Зверь. Каждый раз его враги умирают сегодня, а он остается жить до завтра. Многие обязаны ему смертью, многие обязаны ему жизнью. Когда же по всем признакам ему приходит конец, открываются Ворота в иную реальность...

Содержание

Часть I	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	22
За кадром. Весин	33
Глава 4	39
Май 1996. Казахстан	41
Из воспоминаний. Смольников	47
Глава 5	51
Из воспоминаний. Смольников	58
Глава 6	60
За кадром. Весин	63
Из воспоминаний. Смольников	67
Часть II	69
Глава 1	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Наталья Игнатова

Последнее небо

Художник Екатерина Згурская
Редактор Анастасия Демченко

* * *

Автор выражает благодарность Александру Брусину за терпеливые и ПОНЯТНЫЕ консультации.

Часть I Человек

*И не верить ни в чистое небо,
Ни в улыбку сиятельных лиц.*

Александр Галич

Весной волки уже не собираются в стаи. Весна и лето – время семейной жизни. И все же каждый год в начале мая звери забывали об этом. Оставив свои охотничьи угодья, волки уходили, убегали, спешили в заброшенный поселок в степи, притулившийся рядом с выработанной шахтой.

Одиночки присоединялись к другим таким же. Пары и тройки сбивались в небольшие стаи. Те, в свою очередь, сливались в одну – огромную. Весенняя степь полна жизни, волки легко находили себе пищу и не слишком отвлекались на охоту.

Они торопились.

Они знали: когда заканчивается пора цветения, когда уходит весна, когда солнце окончательно просыпается от зимней спячки, в пустой дом на окраине пустого поселка приходит Хозяин. Сильный, властный, жестокий. Любимый.

Волки знали: Хозяин пойдет убивать людей. И знали: он поведет за собой свою стаю.

Глава 1

Ад? Не понимаю. Какой смысл в наказании, дящемся вечно? Это уже не наказание – это жизнь такая поганая.

Олег Зверь

Жертва была намечена. Выслежена. Обречена.

Олег вел машину, расслабленно откинувшись на спинку сиденья. Легко, ласково касался ладонями руля. Внимательные глаза не отрывались от серой «Волги» впереди. Голову и плечи священника, сидящего на заднем сиденье автомобиля, он четко видел даже сквозь тонированное стекло. Один выстрел – и все может закончиться. Плечи останутся, а голова...

Олег pokrивил губы. В лучшем случае голова превратится в головешку. Но если учесть неизбежные искажения луча, можно предположить, что череп священника просто взорвется.

Грязно. И никакого интереса. Слишком быстрая смерть. Слишком легкая.

Жертву наметил Магистр.

Олег, признаться, совсем не был уверен в необходимости для Ордена именно этого сравнительно молодого, не так давно окончившего духовную семинарию священника. Он мог позволять себе сомнения. Даже в отношении решений Магистра. Потому что был нужен Ордену. А еще потому, что нужен был лично Магистру. Однако поговорить с тем возможности не представилось. Технически – никаких проблем, но... не хотелось. В этой ситуации, получив это конкретное задание, Олег меньше всего склонен был советоваться с кем бы то ни было. Может быть, как раз потому, что спросить совета очень хотелось.

Обычно он не брался за дела, которые вызывали подозрения, но на сей раз решил действовать себе назло.

Личная заинтересованность.

Плохое подспорье в работе такого рода, но, если уж появилась она, никуда не денешься, надо считаться.

В конце концов, относительно приемлемое объяснение действий Ордена все-таки было. Жертвоприношение совершалось скорее в целях политических, если можно так выразиться, чем по идейным соображениям.

Политики во всем этом с воробьиный нос. Так, игрушки. Но не все же большими делами ворочать, надо иногда и поиграться. Орден пытался наложить лапу на пока еще независимую группировку демономанов. Олегу даже самоназвание их не нравилось. «Черный Ритуал», это ж додуматься надо! А вот Магистр на такие мелочи, как название, внимания не обращал. Магистру люди были нужны.

Секта, состоящая преимущественно из молодежи, управлялась тем не менее людьми разумными. Со своими, конечно, странностями, ну так а кто сейчас нормальный? Загорелись люди идеей собрать под крыло детишек с... э-э... паранормальными способностями. И взялись собирать. Все бы ничего – дело благое, по-своему даже интересное, если бы почтенный глава Ордена сам не съехал на таких детишках лет этак десять назад.

Олег улыбнулся.

Серая церковная «Волга» по-прежнему шла впереди. Скоро она свернет к храму.

На самом деле, десять лет с момента, когда Магистр поверил в чудеса, исполнятся в последний день июля. Через десять недель. Но май – тоже месяц по-своему знаменательный. Именно в мае Игорь Юрьевич узнал про Олега. Именно в мае он решил попытаться создать для Ордена идеального экзекутора.

Создал?

Да. Без сомнения.

Какого же черта долбаный священник попался на дороге именно сегодня, когда все уже сделано, капкан для него расставлен и хочется просто проехать по городу, в котором неизвестно еще когда придется побывать снова?

Случайная встреча с любой другой жертвой ничуть не беспокоила бы. Но этот отец Алексей, теперь его зовут так, «любым» пока что не стал. Вот сдохнет, тогда – да, тогда все будет в порядке.

И все-таки почему он? Может, дело и в правду в «Черном Ритуале»?

Магистр хочет подгрести секту под себя, а смерть священника как нельзя лучше отвечает этой задаче. Подорвать авторитет верхушки... Подростки обожают «настоящие» дела. Гонять кошек по кладбищам, переворачивать кресты и пугать богомольных старушек – это все, конечно, весело. Им наверняка нравится. Ничего большего командование делать не позволяет, но мальчики-девочки и не рвутся. Потому что знать не знают, как оно бывает на самом деле.

Узнают. Скоро. Уже завтра. И это им понравится намного больше. А те, кто заправляет сектой, наоборот, проявят себя не с лучшей стороны. Люди нежные, чувствительные, с тонкой душевной организацией – они испугаются, когда увидят настоящий Ритуал. Даже если не захотят бояться – испугаются. Потеряют и лицо, и чувство собственного достоинства, и жизнь, если будет на то приказ Магистра.

Весело.

Отец же Алексей, один из тех немногих христиан, которые чтят не букву, а дух божьего закона, просто слишком хорошо зарекомендовал себя. Он приобрел известность как в кругах набожных горожан, так и среди местных сатанистов, и его смерть действительно произведет нужное впечатление. Хотя, по чести сказать, на ритуаловцев произвела бы впечатление любая смерть. Точнее, любое убийство. Нечасто убивали кого-то в нынешнее благополучное время. Но священник – это более надежно. И более ценно.

Ценно, разумеется, лишь в том случае, если обряд жертвоприношения будет вести Зверь.

Он проводил церковную «Волгу» по центральному проспекту города и облегченно вздохнул, когда машина жертвы свернула на неширокую улицу, круто уходящую вверх. К храму.

Все в порядке. Случайная встреча. Бывают ведь и просто сны.

Священник закончил дневные дела и просто возвращался в церковь. Сейчас он узнает, что его просил приехать богатый и набожный старикашка из пригородного поселка, и вновь отправится в путь.

Дедуля наладился помирать, значит, отец Алексей мешкать не станет. Ну а Олегу можно никуда не спешить. Есть время на то, чтобы заняться своей внешностью. Священник пробудет с клиентом до самого конца, конец же наступит лишь завтра с рассветом. Ясное дело, что храмовый водила не станет дожидаться утра в машине, скорее всего, пройдет в комнаты для прислуги, откуда его придется изымать на глазах у благодарной публики. Дело это не трудное, но подготовиться стоит как следует.

«Нора» его в этом городе была точь-в-точь похожа на все прочие, в других городах и других государствах. Плохонькая квартирка в огромном многоподъездном доме. Дикая планировка: три лифта, лестницы отделены переходными балконами. В таких домах люди зачастую не знают не только соседей по подъезду, они не знакомы даже с обитателями квартир на собственном этаже. Очень удобно. Спасибо большое тому умнику, который первым додумался до подобного архитектурного изыска.

Олег запер за собой хлипкую дверь. Вздохнул, оглядевшись.

Низкие потолки, крохотная прихожая, утыкающаяся в кухню-пенал. Пора бы уже привыкнуть к унылой бесприютности таких вот временных обиталищ. Да никак не получается. Здесь же вообще неудачно вышло: в квартире за стеной обитает семейка асоциальных алкашей,

своими ежевечерними пьяными воплями и ежедневными похмельными скандалами способная вывести из себя даже человека, напрочь лишенного нервов.

А Олег был весьма эмоционален.

Он слушал визгливый голос женщины за стеной, пока накладывал на волосы прозрачный косметический клей. Он слушал громкие матюги мужчины, ожидая, пока прихватится клеем «скальп» – чуть усовершенствованное подобие парика. Он слушал дуэт соседей, надевая неприметно-строгий костюм и повязывая галстук. Он знал, что перед отъездом из города убьет и мужчину, и женщину. Просто так. Чтобы впредь не повадно было. Знал, а посему не очень раздражался.

Строго говоря, сам себе виноват. Мог бы выбрать «нору» более придиричиво. Поторопился – получил что заслуживал. Беда с алкоголиками: у них эмоциональные рамки сдвинуты. Те, что за стеной живут, получают удовольствие от скандалов. Кричат, нецензурно ругаются, иногда драться начинают, и ведь нравится им! А о других подумать? Эгоисты чертовы! Ладно остальные соседи, которые только шум терпеть вынуждены, но что прикажете делать заезшему убийце, который привык питаться чужими неприятностями?

На этаже еще пять квартир, но дотянуться получается только до смежных. И конечно, извольте видеть: с одной стороны – счастливые алкаши, с другой того хуже – какие-то ненормальные молодожены... хоть бы раз поссорились, р-романтики. За три-то дня можно было время выбрать.

Этажом выше обитает семейка – вырезать такие нужно под корень. Полузрелая дочь, мать, отец и собака. Этакая противная шавочка незрелого возраста и черно-коричневой масти. Обычно подобные семьи – самый благодатный источник силы: дети конфликтуют с родителями; собака гадит по углам и грызет мебель; старшее поколение ударяется в панику, стоит младшему опоздать с дискотеки хотя бы на полчаса, а младшее, в свою очередь, за этот жесткий лимит времени страстно на старшее обижается.

Благодать! Всего по чуть-чуть, но как насыщено!

И что? Родители изволили уехать на дачу аж на неделю. Дочь счастлива. Ее приятели ликууют. Даже собака в полном восторге.

Про квартиру внизу вспоминать не хотелось вовсе.

Там жил саксофонист.

Олег негромко рассмеялся. Что-что, а расписать собственную незавидную участь в самых ярких красках он умел всегда. Еще бы научиться самому в это верить! Угу, и собственными эмоциями питаться. Вот жизнь была бы!

А вечер еще не скоро. Утро – тем более. Неожиданно легко все получилось с капканом. И теперь можно просто посидеть, вживаясь в чужую шкуру, можно посмотреть из окна на чужой город, нужно дотянуться душой до своего неба. Оно потрясающе красиво здесь, в горах. Понятно, что это из-за заводов, из-за того, что воздух грязный и солнышко ласково лыбится сверху, сквозь решето озоновых дырок. Но причины не важны. Результат важен. А небо грязным не бывает.

Работать придется на глазах у прислуги, хозяйской и гостевой, следовательно, выглядеть нужно так же, как они. Многие из этих ребят знакомы, но не все со всеми, а соберется их предостаточно. Увидеть увидят, однако внимания не обратят, просто не запомнят. Особенно если вести себя правильно.

Оценив свое отражение в зеркале, Олег досадливо поморщился и взял коробочку с гримом.

Сколько всего было сказано о правильной маскировке! Сколько придумано! А сколько придумок отвергнуто! Люди рано или поздно приходят к мысли о том, что чем проще, тем эффективнее. Но что делать, если рождаешься с такой внешностью, не запомнит которую разве что слепой?

Вот и приходится смягчать излишнюю резкость черт, менять разрез глаз, осветлять кожу. Работая без парика, нужно еще и цветные линзы в глаза вставлять. Потому что светлые волосы и агатово-черная радужка – не самое удачное сочетание для того, кто хочет стать невидимым.

Имя и черты лица достались ему от отца-украинца. Разрез и цвет глаз были материнские, самые что ни на есть татаро-монгольские. Прибавить ко всему этому волосы того оттенка, который приличные люди называют пепельным, но Олег, пренебрегая условностями, обозначал как «серый», и получается нечто несусветное. Олег Михайлович Зверь собственной персоной. Экзекутор Ордена. Работа договорная, оплата сдельная. Нелюдим, но обаятелен. В общем, сам себя не похвалишь...

Весь остаток дня он просто слушал соседей, ни о чем не думая и ничего не предпринимая. А когда стемнело, вышел из спячки, быстро собрался, вновь глянул в зеркало. Увидел там совершенно незнакомого, самоуверенного холуя из тех, что кормятся непосредственно с хозяйской руки, кивнул ему как равному и вышел в темный подъезд.

По горящим огнями улицам, мимо неона рекламы, под слепыми взглядами фонарей – за город. Лента шоссе стелилась под колеса.

Медленнее, парень, медленнее. Куда гонишь? Ты не умеешь, тебе не положено уметь водить машину по-настоящему. Двойное убийство выбило из образа? Ну так входи обратно. Сбрасывай скорость. Сначала сделай все, что нужно. А потом можно будет вернуться в город и забрать еще чью-нибудь жизнь. Скажем, тех самых молодоженов. Сначала убить парня, потом – девушку. Как тебе такая идея, экзекутор?

Дурацкая? Верно. В этой шкуре тебе убивать нельзя. Ладно, впредь наука – не забирать жизни, уже надев личину. Слишком сильная получается встряска.

Вот и нужная своротка. А за ней еще одна. В лес, в уютный соснячок, сухой и чистенький. Фары выключить – незачем внимание привлекать, достаточно того, что хвоя под колесами хрустит.

Олег посидел немного с открытой дверцей, слушая ночь вокруг.

Ночь исправно издавала все положенные звуки: птичьи голоса, шум ветерка в колючих кронах и редких машин на недалеком шоссе.

Четвертый час пополуночи. Самое время.

В дом он вошел. Просто вошел. Охранники на входе не обратили на него внимания. Видеокамера над дверями, конечно, не человек, ей голову не задуришь, но с нее спросят в последнюю очередь. И даже когда спросят, ну кому будет польза с зафиксированного старательной аппаратурой фальшивого изображения фальшивого человека?

Он привычно не обращал внимания на враждебность дома. Обмануть неживое трудно, почти невозможно, не только видеокамеры, но даже мебель, даже стены здесь знали прекрасно: этот пришел со злом. Однако зла вокруг хватало и без незваного гостя. Сюда спешила смерть. На ее фоне те маленькие пакости, которые собирался учинить человек, просто терялись, таяли, как тает свет фонарей в свете яркого солнца.

По коридору. Налево. Здесь.

В комнате было дымно. Накурено. Пятеро сидели за столом, играли в карты. На вошедшего даже не обернулись.

Олег коснулся плеча одного из игроков:

– Жень, на минутку...

И поймал его недовольный взгляд, поймал осторожно, мягонько, чтобы не трепыхнулся человек, не заподозрил неладное.

– Скажи, что тебе пора, и выходи из дома следом за мной, – безмятежно улыбаясь, приказал он.

Уходя из комнаты, услышал сокрушенное:

– Все, мужики. Время вышло.

Дальше пошло как по маслу.

Без давящего ощущения враждебности работалось легко. Водила оказался человеком восприимчивым. Послушно сел в машину. Послушно повторил все, что должен был сделать. Завел мотор и уехал. Найдется он только к середине дня, едва-едва протрезвевшим. Как увозил хозяина обратно в город, вспомнит. А куда девал по дороге – уже нет. Провалы в памяти.

И то сказать, пить надо меньше. Тем более за рулем.

Потом был восход и несколько мгновений чистого счастья, когда отключились системы жизнеобеспечения и умер наконец-то богатый старик.

Он хотел умереть. Зверь еще вчера утром убедил его в этом. Так что посмертный дар был слабеньким, едва заметным. Без искрящихся силой потоков боли, почти без страха, даже с гадковатым привкусом радости, и все-таки это был посмертный дар. И Олег принял его с благодарностью. Он умел быть благодарным и умел ценить то хорошее, что делали для него зачастую совершенно незнакомые люди.

Священник вышел из дома четвертью часа позже.

Глава 2

Гостеприимство крайне безрассудно, если его оказывать дурным людям.

Пифагор

...Первое, что почувствовал отец Алексей, – это мягкое кожаное сиденье автомобиля. Автомобиль ехал. Отец Алексей лежал. Руки его были аккуратно сведены за спину и скованы наручниками. Слегка тошнило. Никаких других неприятных ощущений не было.

Бред какой-то!

Не шевелясь и не открывая глаз, священник принялся вспоминать.

Он оставался со стариком до самого конца. Потом утешил, как требовали того сан и обычная человечность, горько плачущую хозяйку, пожилую, если не сказать старую, женщину, помнившую еще времена повального атеизма.

Подумалось тогда, что мужчины часто умирают раньше, чем женщины. Хотя надо бы наоборот, ведь мужчина сильнее...

Жени, водителя, в комнате для прислуги не оказалось. Парни, что сидели там, сказали, мол, уже полчаса, как вышел. Евгений всегда отличался предусмотрительностью, и отец Алексей подумал, что шофер просто хочет проверить, все ли в порядке с машиной.

Предупредительный охранник распахнул перед ним двери. Тропинка, что вела через сад к гаражу, была ярко освещена...

А потом – сиденье автомобиля. Связанные руки.

Ерунда какая-то! В голове не укладывается.

Отец Алексей приоткрыл один глаз.

Несмотря на серьезность положения, ему было почему-то весело. Может быть, от абсурдности ситуации.

Глаз он открыл левый. Но поскольку лежал на левом боку, то ничего кроме обшивки сиденья не увидел. Тогда он открыл правый глаз тоже. Несколько секунд посозерцал спинку переднего сиденья и слегка повернул голову.

– Быстро, – голос был мягкий, дружелюбный, – у вас, отец Алексей, очень сильный организм.

– Кто вы?

– Зверь.

Священник хмыкнул:

– Не рановато ли для пришествия?

Подниматься со скованными руками было неудобно, но разговаривать с человеком, выворачивая шею, несколько не лучше, так что священник сел, устроившись так, чтоб кисти не упирались в спинку сиденья.

Теперь он мог видеть собеседника. Судя по всему, вез его один из шоферов, что ждали в коттедже своих господ. Но чей шофер? И зачем все это устроено?

Восходящее солнце светило прямо в лобовое стекло. Алым заливало салон, спинки кресел, лицо и руки водителя.

Зверь, значит? Претенциозно. Весьма.

– Куда мы едем?

– На вашем месте я бы спросил: куда вы меня везете? – Зверь был отвратительно вежлив.

– Хорошо. Куда?

– Вперед.

«Вот как? Ладно», – священник решил включаться в игру. Все равно выбирать особо не приходилось.

– А зачем?

– Вы жертва.

– Чья?

– Моя.

Вот сейчас стало не по себе.

Шутка. Дурацкая шутка.

Попрощаться с человеком, чье покаяние только что принимал отец Алексей, съехалось множество людей, обладающих деньгами и властью. Были среди них и такие, кто относился к сану священнослужителя без всякого уважения. Больше того, кому-нибудь повеселиться за счет попа могло показаться удачной идеей.

Но чьим же шофером может быть этот, назвавшийся Зверем? Чьим-чьим? Да кто ж их разберет?! Все эти парни на одно лицо. Все одинаково высокомерны, с равно однообразным стилем одежды и идентичными короткими стрижками.

– А где Женя?

– Кто это?

– Мой шофер.

– Откуда мне знать, – Зверь слегка пожал плечами, – а где он должен быть?

Понятно. Евгению задурили голову, отправили куда-нибудь ненадолго, может, минут на пять. Проще всего – заперли в туалете. Сволочи. Сговорились, надо полагать, пока отец Алексей был с умирающим.

Ладно. Шутка шутке рознь. И эти шутники еще не знают, с кем связались на свои головы.

Говорить было особо не о чем. Водитель молчал. Отец Алексей тоже помалкивал, смотрел в окно. Трасса летела через лес, петляла между невысокими, поросшими сосняком холмами. Священник пытался опознать места: изъездил и исходил в свое время немало. Но в рассветной дымке, в свете сонного еще солнышка каждый холм казался точной копией предыдущего, где уж там различать какие-то запоминающиеся детали.

А потом окна машины затемнились. Чистым осталось лишь лобовое стекло. Отец Алексей глянул вперед – все та же битумная лента, поднял глаза на зеркало, перехватил там черный, равнодушный взгляд Зверя...

Это было похоже на плохую видеозапись. Когда посреди кадра изображение вдруг пропадает. Ряблящие полосы бегут по экрану. А потом вновь начинается фильм. Но какой-то кусок его потерялся. И нужно время, чтобы вникнуть в сюжет.

Новый кадр. Просторная комната, обшитые деревом стены, окна узкие, как бойницы.

Мебель дорогая, деревянная, сделана под старину, старательно, с любовью, но совершенно безграмотно. Откуда бы взяться в старинном тереме мягким глубоким креслам, обитому настоящей кожей широкому дивану, роскошному ковру на полу?

А руки были свободны.

И первое, что сделал отец Алексей, это потер руками лицо. Потом огляделся снова.

Та же комната. Та же мебель. Та же спокойная роскошь. Странно, что нет иконостаса в углу. Обилие икон считается в подобных хоробах чем-то вроде знака качества.

Ладно, прежде чем появятся те, кто, собственно, все затеял, стоит оглядеться. Может статься, получится с самого начала огорчить шутников какой-нибудь встречной шуткой.

Священник прошелся по комнате, оглядывая солнечно-желтые стенные панели. Он двигался мягко, неслышно, походил чем-то на большого, сытого, добродушного с виду кота. Такому зверю ничего не стоит сбить с ног взрослого человека, разорвать когтями лицо, вырвать горло. Но ленив котище. Очень ленив. И даже когда ему случайно наступают на хвост, он лишь

недовольно шипит, ленясь хотя бы уйти с дороги. Только вот не стоит и пытаться обидеть эту тварь по-настоящему.

Впрочем, пока отец Алексей и вправду был вполне ленивым котом.

Довольно быстро он отыскал небрежно замаскированные видеокamеры, разбил их без зазрения совести и принялся за поиски тех, что спрятаны по-настоящему.

Этому тоже учили. Многому учили. И когда-то думалось, что впрок наука не пойдет. Воистину людям свойственно ошибаться.

Отец Алексей обнаружил еще три миниатюрных глаза. Эти были спрятаны куда более грамотно. И если бы не столь же грамотное их размещение, позволяющее наблюдать за любой точкой в комнате, отец Алексей, пожалуй, не отыскал бы камеры в хитросплетениях резьбы на стенах. К счастью, тот, кто оборудовал роскошную тюрьму, прошел серьезную школу и действовал по правилам. Тем же самым, по которым невольный гость занимался сейчас поиском.

Он прикинул, куда еще стоило бы воткнуть маленьких шпионов. Решил, что сам ограничился бы теми точками, где камеры уже есть, и отчасти успокоился.

Может статься, других сюрпризов в комнате не будет.

В шкафчиках, встроенных в стены, не обнаружилось ничего полезного. Так же как и в баре. Если там и стояли когда-нибудь стеклянные или глиняные бутылки, они были кем-то изъяты.

В ванной комнате оказалось несколько не веселее. Но там хотя бы видеокamер не было. Это и удивило, и порадовало. Увы, иных поводов для радости не нашлось.

Пластиковые бутылочки с шампунями, лосьонами, депиляторами. Отец Алексей пригладил короткую черную бородку. Да-а, ничего, что можно было бы использовать в качестве оружия. Случайность? Вряд ли. При известной фантазии оглушить или даже убить человека можно самыми неожиданными предметами. С фантазией у него было все в порядке. Значит ли это, что в похожем ключе рассуждал и тот, кто готовил для него эти покои?

Почему нет?

Немало найдется людей, которые с той или иной долей серьезности занимались всем, что связано с теорией и практикой человекоубийства. Почему бы здесь не оказаться одному такому?

«Двоим таким», – поправил себя священник.

И услышал, что дверь в комнате открылась.

– Отец Алексей, – донесся все тот же приятный, располагающий к себе голос, – будьте любезны, выйдите из ванной на середину комнаты. Сядьте в кресло и держите руки на виду.

– А если нет? – насмешливо поинтересовался пленник.

– Я пристрелю вас. И поеду искать другую жертву. Выходите.

Шутка становилась совсем уж не смешной.

Отец Алексей вышел в комнату. Зверь стоял в дверном проеме, прислонившись спиной к косяку. Смотрел внимательно и с некоторым любопытством. Он успел переодеться и сейчас, не затянутый в безликий костюм водителя-охранника-пристебая, казался более человеческим. Более настоящим, что ли. Сухой, поджарый, тонкокостный – совсем не страшный и уж никак не похожий на убийцу.

Проходя мимо Зверя к глубокому креслу, отец Алексей вполне серьезно задумался о том, чтобы напасть прямо сейчас. И отказался от идеи с некоторым сожалением. Кто знает, на что реально способен этот взявший претенциозную кличку? Слишком уверенно он держится. И уверенность эта, увы, не наиграна. Интересно, она идет от осознания силы или Зверь просто не понимает, что заигрался?

– Где ваш хозяин? – спросил отец Алексей, усаживаясь в низкое кресло. Удобное и очень уж мягкое. Сразу не встанешь, тем более не встанешь резко, не рванешься в убийственный бросок.

– Далеко. – Улыбка у Зверя оказалась на удивление хорошая. Открытая такая улыбка. – Не думаю, что вы когда-нибудь сможете с ним познакомиться. – Он по-прежнему стоял в дверях, пройти в комнату не спешил. – Собственно, я всего лишь хочу ознакомить вас с расписанием на ближайшие дни. Сожалею, но так уж вышло, что вам придется здесь задержаться. Итак, завтрак в восемь утра. Полагаю, для вас это не слишком рано? Обед в два часа пополудни. В четыре – полдник. И в семь вечера ужин. Чтоб не возникло между нами недопонимания, будьте любезны к указанному времени ожидать меня в этом самом кресле. Да, сразу хочу извиниться за меню. Выбор продуктов невелик, в основном консервы, но уж придется вам довольствоваться тем, что есть. Это все.

– Нет, – отец Алексей покачал головой. – Это не все.

– Вопросы, – понимающе кивнул Зверь. – Ну спрашивайте.

– Вы сказали, что мне придется задержаться здесь на несколько дней. А что будет потом?

И снова Зверь улыбнулся. И снова священник с трудом подавил желание улыбнуться ему в ответ.

– Потом я вас убью, – услышал он.

Не понял сначала, осознать не сумел. А когда осознал, не нашлось слов. Только давящими показались вдруг мягкие объятия глубокого кресла. Так он и остался сидеть, глядя на закрывшуюся дверь. Почему-то снова заболела голова.

Оставшуюся часть утра отец Алексей посвятил поиску выхода. Он все еще не мог поверить в то, что похититель его говорил серьезно. Точнее, в серьезность поверил сразу. Не верилось в то, что Зверь действительно убьет. В то, что жизнь и вправду может закончиться вот так вот глупо, всего через несколько дней.

Он прикидывал про себя так и этак, сколько у него шансов в прямой стычке. Зверь сказал, что в случае неповиновения будет стрелять. Значит, он вооружен. Это, конечно, странно, учитывая, что закон запрещает хранение и ношение оружия всем, кроме полицейских, но на фоне всего случившегося странности как-то блекли. Итак, прямая атака? Из кресла? Будет нелегко, однако попробовать стоит.

Зверь даже с виду легче. Наверняка на скорость и гибкость он привык полагаться больше, чем на силу.

«И, кстати, ростом тоже не удался», – с непонятным удовлетворением отметил отец Алексей, разглядывая деревянные кружева стен. Он запомнил витки резьбы, на которые улыбчивый похититель опирался плечами, и примерился к ним сам. Результат порадовал.

А ведь из кресла казалось, что Зверь куда выше.

Воистину не верь глазам своим, когда смотришь снизу.

И не лезь в драку, пока не поймешь, с кем имеешь дело. Отец Алексей мысленно шелкнул себя по носу за излишнюю самоуверенность. Да, Зверь невысок, да, он легче и, без сомнения, слабее физически, но нельзя сказать наверняка, насколько он быстр и что может предпринять. Посмотреть бы, как двигается этот красавец! Просто посмотреть. А уж потом можно будет делать выводы.

...Солнце поднималось все выше. Тонкие золотые струны протянулись через комнату от окон к двери. В горячем свете радостно плясали сверкающие пылинки.

Отец Алексей снова, в который уже раз, прошелся по комнате. Без особой цели. Он наметил себе приблизительный план действий и сейчас обдумывал детали, а размышлять на ходу было проще, чем сидя. На воплощение задуманного требовались время, терпение и капелька безрассудства. Если честно, то не безрассудства, а полного слабоумия, но коли уж приходится выбирать между смертью и смертью, лучше погибнуть, пытаясь спастись, а не сидеть без дела.

Итак, безрассудства хватает, терпением священник должен обладать практически безграничным – должность такая, что же до времени, надо полагать, его хватит.

В восемь утра пленник сидел в кресле, положив руки на округлые подлокотники. Он снял рясу и подрясник, оставшись в удобных свободных брюках и не стесняющем движений джемпере, и теперь уже меньше походил на добродушного кота. А на священника не походил вовсе.

Пока отец Алексей был в рясе, борода и длинные, собранные в небольшой хвост волосы безошибочно и четко указывали на его сан, на особое положение в мире. Да и внешность соответствовала: доброе, круглое лицо; внимательные глаза, тоже добрые, понимающие такие; добродушная полнота – грех чревоугодия из тех, с которыми трудно бороться. Люди встречают по одежке, что правда, то правда. И почему-то недолюбливают прихожане стройных попов. Может, из-за детских штампов? Бабник Арамис, безжалостный хитрец Ришелье, маньяк Савонарола...

Каким чудом полнота превратилась в текучие мускулы? Как на круглом лице оформились рубленые углы скул? И почему из добрых черных глаз глянула Великая Степь? Или в рясе было все дело? В одной лишь рясе?

Священник исчез. Развалившись в глубоком кресле, ожидал прихода Зверя спокойный, как каменное изваяние, мертвоглазый степной воин.

Таковыми вот равнодушными, безжалостными, нечеловечески хладнокровными являлись они мирным жителям мирных городов почти тысячу лет назад. Жгли, насиловали, убивали. Появлялись из ниоткуда и исчезали в никуда, в безграничное степное ничто. Таким предстал перед убийцей православный священник Вознесенской церкви, всего за год работы прослывшийся человеком если не святым, то уж, во всяком случае, отмеченным благодатью.

Деревянная пластина на дверях, украшенная резным цветком, повернулась, открыв зарешеченное окошко. Потом кракнул замок. И дверь отворилась.

– Почему же христианин? – поинтересовался Зверь, вкатывая в комнату легкую тележку на колесиках. – Роль племенного шамана подошла бы вам больше. Я надеюсь, вы не настаиваете на утреннем кофе? Чай намного полезнее.

– Не настаиваю. – Отец Алексей поднял брови, когда снял салфетку с пластиковой тарелочки. К чаю были горячие маленькие булочки. Джем. Черная икра. И масло в пластиковой же масленке.

– Я полагал, нас в доме только двое.

– Двое, – кивнул Зверь. – Но я же не совсем безрукий.

Это настолько не походило на него, эти горячие, мягкие булочки и недавнее обещание убить настолько не сочетались, что степняцкая невозмутимость покинула отца Алексея.

– Однако. – Он покачал головой. – Присоединитесь?

– Благодарю, – Зверь был уже в дверях, – но я позавтракал. Столик оставьте у дверей. Я зайду за ним через полчаса. Вам лучше быть к тому времени в этом же кресле. Приятного аппетита.

И вновь закрытая дверь.

Отец Алексей, поморщившись, оглядел пластиковый ножик. Срок жизни таких – те самые полчаса, что Зверь отвел ему на завтрак. Потом нож истаёт. Рассыплется в пальцах мягкой трухой. Обидно. Но странно было бы ожидать, что ему принесут стальной тесак, равно удобный как для рубки, так и для колющих ударов. Тем более что к намазыванию масла и разрезанию мягкой сдобы оные тесаки совершенно не пригодны.

Зверь. Претенциозное прозвище. Не от большого ума берут такие. А речь у него правильная. И лексикон, кажется, не так уж беден. Впрочем, ум и богатство словарного запаса – вещи зачастую никак между собой не связанные.

Зверь. Совершенно неприметное лицо. Волосы темные. Высокий... Нет, он только кажется таким. Двигается хорошо, правильно движется, со спокойной грацией сытого хищника.

Ведь только что был здесь, а вспомнить удастся лишь детали, которые никак не складываются в единый облик. Или образ. Серое скользкое пятно, облако тумана, меняющее очертания. Глаза... Там, в машине, мгновенное столкновение взглядов. Отражение в зеркале заднего вида. И потом провал. Что же это было такое? Газ? Наркотик? Отсюда и головная боль как пост-эффект, и память сбоят.

Что ж, есть три дня на то, чтобы обо всем подумать и во всем разобраться. А если не во всем, так хотя бы в самом главном, в жизненно важном: в том, как выбраться из этой роскошной тюрьмы.

Размышления ничуть не помешали отцу Алексею отдать должное завтраку. Неизвестно еще, каким этот Зверь был бойцом, но поваром он оказался отменным.

А из окон-бойниц видно было лишь синее небо да верхушки косматых сосен.

* * *

Олег сидел в зале, возле пустого камина, смотрел сквозь распахнутую дверь на залитую солнцем полянку и меланхолично размышлял.

Он знал, что священник наверху, в тюремных покоях, занят сейчас тем же самым. Обстановка несколько другая. Мысли другие. Но дело-то не в этом, дело в процессе. Оба мыслят. И оба о странностях, что случились с ними за несколько прошедших часов.

Священник! Православный! Бату-хан в реалиях современности. Покончить бы со всем этим поскорее! Но Магистр желает отложить церемонию. Сейчас, во всяком случае, ясно уже, что предположения относительно «Черного Ритуала» подтвердились. Можно не беспокоиться хотя бы о том, почему вдруг потребовал глава Ордена смерти именно этого конкретного святого отца. Алексея Чавдарова. Ведь знал же, не мог не знать и забыть не мог, кто он, этот самый отец Алексей, и что он для Олега. Да и для Магистра, если уж на то пошло.

А с ритуаловцами, значит, возникли сложности. Это тоже понятно. И такое случалось. Ребятки бояться идти на чужую церемонию, они пока что считают себя серьезными конкурентами Ордену и намысливают всякое разное. Тех ужасов, которые их здесь на самом деле ждут, лишенные фантазии мозги юных демономанов все равно не придумают.

Три дня в одной клетке с Сашкой Чавдаровым. А твои-то мозги, экзекутор, фантазии отнюдь не лишённые, могли измыслить подобное?

И надо же было так неосторожно представиться. Подставиться. Конечно, отец Алексей никогда не узнает его. Десять лет прошло. Тогда они оба были еще детьми. Один воображал, что однажды научится быть человеком. Второй... мечтал стать космическим десантником. Жизнь вывернула все на свой лад. Впрочем, космодесантником Сашка стал.

Не узнает. Имя – ничто. Тем более что очень уж похоже это имя на претенциозную кличку, на дурацкое прозвище. А тот Зверь, что дружен был когда-то с Сашкой Чавдаровым, тот чудесный мальчик с пепельными волосами и большими раскосыми глазищами – он умер давно. Ах, какая это была грустная и страшная история...

Три дня в одной клетке.

Не стоило браться за это дело. С самого начала ясно было, что плохо оно пахнет. Где же твои принципы, экзекутор? Или хотя бы где твое отсутствие принципов, замешанное на инстинкте самосохранения? Ты наркоманом стал. В этот раз волки не успели поохотиться вволю, и ты голоден, палач. Тебе хочется крови. Боли чужой. Страха. И силы – своей – прибывающей с каждым мгновением долгого, бесконечно долгого умирания жертвы на алтаре.

И сейчас ты ругаешь себя только потому, что три чужих жизни забрал этой ночью, потому что ты получил три посмертных дара. Плохоньких. Слабеньких. Дрянных. Но получил. Семейка алкашей и богатый старик. Не бог весть что, однако достаточно, чтобы утолить жажду, позволить себе рассуждать разумно.

Ладно, теперь уже поздно что-то менять. Можно, конечно, прямо сейчас пойти и пристрелить святого отца. А потом бежать отсюда, из уютного домишки в лесу. Залечь на дно. Спрятаться так, чтобы даже Магистру понадобилось время на розыски, а уж кому другому в жизни не отыскать. Можно связать священника по рукам и ногам, оставить на три дня беспомощным и неподвижным...

Чтобы ко времени церемонии он потерял большую часть воли и сил? Чтобы весь интерес пропал? Вся радость от убийства?

Эх, Олег Михайлович! В твоём-то возрасте можно уже избавиться от мальчишеского бахвальства. Двадцать четыре года. Почти тридцать. А ты все еще ловишься на слабо. Тебе нужно, важно, необходимо сломать этого священника, сломать Сашку Чавдарова, хренова космодесантника, сломать... себя самого переломить, наконец. Поставить во всей этой истории красивую, убедительную точку. Раз и навсегда.

Дурак ты, Зверь. И имя у тебя дурацкое.

* * *

Этажом выше, в своей роскошной тюрьме, отец Алексей внимательно читал надписи на пластиковых флакончиках в ванной. Искал такой, где выше всего содержание спирта. Он уже убедился, что флакончики все новые, нетронутые, пульверизаторы в них работали прекрасно. Остановив свой выбор на призрачно-зеленом одеколоне с невнятным названием «Каменный Цветок», священник спрятал флакончик между подушкой и подлокотником своего кресла.

Для начала неплохо.

– Новый шаг в карьере служителя культа. – Отец Алексей убедился, что одеколон можно будет вытащить быстро и незаметно. И вернулся в ванную, чтобы снять излив со смесителя. Небольшой и изящный, излив вполне мог сойти за биток. И сошел, когда, повозившись с незнакомой системой, пленник наконец снял его с резьбы. Прикинув, насколько удобно лежит в кулаке тяжелая пластиковая трубка, отец Алексей довольно хмыкнул, взъерошил бородку и вернулся в комнату. Импровизированный биток уместился в том же кресле, но с другой стороны.

Сделать все нужно будет быстро. И сразу. Второй возможности учинить что-нибудь неожиданное Зверь ему просто не даст. Привяжет к креслу и оставит так на все оставшееся время. А заглядывать в гости будет лишь для того, чтобы убедиться, крепко ли держат веревки или что он там использует в качестве привязи.

Когда повернулась на несущих и сдвинулась в сторону панель, загораживающая смотровое окошко, отец Алексей спокойно сидел на своем месте. Руки, как и велено, на подлокотниках. Ноги вытянуты. Очень удобно сидеть так в глубоком и мягком, обнимающем, как живое, кресле.

И первый удар – по легкой тележке с блюдами – отец Алексей нанес ногами.

Дальше пошло само.

Зверь качнулся в сторону. Быстрый парень. Тележка, что должна была ударить если не в пах, то хотя бы где-то близко, заставить нагнуться, прокатилась к дверям. А вот струя одеколона попала в глаза. Зверь зашипел от боли. Он должен был схватиться за лицо. Поднять руки. Естественный человеческий жест. Вместо этого он ударил. Вслепую. И в первый раз не попал. Твердый кулак просвистел скользком, едва-едва коснувшись скулы отца Алексея. А священник

уже бил. Снизу, в область между носом и верхней губой. Он ни на секунду не задумался, что так людей убивают. И он-то не промахнулся. Только вот Зверь словно не почувствовал удара.

Мир взорвался. Полыхнуло алым и потемнело в глазах. Потом было тихое жужжание за пределами видимости, холодная влажная ткань на лице и ноющая челюсть.

Отец Алексей коснулся языком зубов. Нет. Не шатались. А казалось, что сейчас выпадут все.

Он лежал на диване, и Зверь, сидящий рядом, улыбался:

– И все-таки почему христианин?

Ударить бы сейчас, но тело отказывалось повиноваться.

Губы... губы Зверя и вообще вся область, куда пришелся удар, должны были превратиться в кровавую кашу. Да что там, вообще все вышло наоборот. Ведь это Зверю положено было лежать. А ему, отцу Алексию, если оставлять все как есть, полагалось бы сидеть рядом с ним, обрабатывая раны. Но на лице убийцы не осталось ни следа. Словно и не случилось только что короткой бешеной стычки.

Священник одними глазами проследил, как Зверь смочил чем-то марлевый тампон. И снова ласковая прохлада на скулящей от боли челюстной кости.

– Ах да! – Убийца досадливо поморщился, заглянул в глаза пленнику, глубоко заглянул, словно в душу пытался проникнуть. – Вы можете говорить.

– Разве что с трудом, – осторожно произнес отец Алексей, мимоходом удивляясь странному чувству, словно говорить ему и вправду позволили только сейчас. И стоит ли говорить? Разговаривать с этим... Впрочем, найти в себе ненависть или хотя бы презрение не получалось. И надо бы порадоваться, ведь действительно не подобает христианину, тем более священнику, ненавидеть или презирать своих врагов, но вместо радости было смутное недовольство собой. – Чтобы понять, нужно верить. – Он вспомнил наконец о вопросе Зверя. – В того единственного Бога, который создал нас и весь мир. В Бога, который всех нас любит и хочет, чтобы мы были достойны этой любви.

– Угу. – Зверь кивнул и сменил тампон. – Убедительно. Бога не выбирают.

Боль понемногу отступала. Стихло и жужжание. Открылась и тихо затворилась дверь.

– Пылесос, – объяснил Зверь. – Ковер чистил. М-да, а меню придется пересмотреть: жевать вы теперь вряд ли сможете. Значит, так, святой отец, я полагаю, вам совсем не интересно будет провести оставшееся время, лежа пластом. Да и кормить вас с ложечки кажется мне не самой удачной идеей. Так что после моего ухода вы снова сможете двигаться. Но поверьте, лучше бы вам не повторять своих рискованных фокусов. Я знаю, что вы хороший боец, и я знаю, что я лучше, понимаете?

– Понимаю, – произнес отец Алексей. Что-то брезжило на самом краю сознания. Какая-то мысль... ухватить ее не получалось. Двигаться. «... снова сможете двигаться»... И руки. Чуткие, гибкие, очень красивые руки... – Мы уже начали разговаривать, так, может, стоит продолжить? Заглядывайте в гости. Эдак по-соседски. У меня ведь здесь даже книг нет.

– Хотите что-нибудь почитать? – предупредительно поинтересовался Зверь.

– Я предпочел бы с кем-нибудь побеседовать. Поскольку выбирать особо не приходится, единственным собеседником можете стать вы.

– Если это вас развлечет... В любом случае сейчас я принесу вам поесть, потом рекомендую отдохнуть. Синяка быть не должно, но к вечеру снова может разболеться.

– Уж поверьте, что наличие или отсутствие синяка волнует меня меньше всего.

– Ну да. Под бородой не видно.

Когда Зверь вышел, отец Алексей вздохнул и попытался сесть.

У него получилось.

День уступил место вечеру. Как и предсказывал Зверь, челюсть снова начала болеть. Так что вместе с ужином обаятельный убийца принес отцу Алексею какое-то зелье в бутылочке и несколько марлевых тампонов.

– Подержите с полчаса. Это снимет боль. Иначе не заснете.

Его заботливость изумляла. Так же как и спокойное дружелюбие.

– Я правильно понял, что вы собираетесь меня убить? – спросил священник, осторожно прихлебывая горячий крепкий чай. Зверь сидел напротив, разглядывал небо сквозь узкое окошко.

– Правильно.

– В таком случае к чему это? – Отец Алексей показал на бутылочку. – Так ли важно мое самочувствие, если жить мне осталось два дня?

– Конечно, важно. – Зверь перевел взгляд на собеседника. – Мне хотелось бы видеть вас бодрым и полным сил. Слабая жертва очень быстро сдается. Покоряется. Прекращает борьбу. Это плохо. Смерть должна приходиться медленно, неспешно, страшно. Вы будете драться до конца, отдавая себя по капле, и в каждой этой капле будет вдесятеро больше силы, чем в разом отнятой жизни какого-нибудь перепуганного ничтожества.

– Значит ли это, – спокойно произнес священник, – что вы собираетесь убивать меня медленно?

– Значит, – кивнул Зверь, – есть определенный набор правил, и я по возможности их придерживаюсь. Ваша смерть затянется на несколько часов. Полагаю, вы пройдете, умирая, все стадии от ненависти до отчаянья, от сопротивления до рабской покорности. В конце концов вы разуверитесь даже в своем Боге.

– Неужели?

– Мне нравится ваша ирония, – черные глаза потеплели, – и ваша вежливость. Но, помнится, даже Христос незадолго до смерти упрекал Бога в том, что тот оставил его.

Отец Алексей покачал головой:

– Нынче не модно богохульствовать.

– Убивать священников тоже не в моде. Но ведь кто-то должен.

– Зачем?

– Зачем священников или зачем именно вас?

– Ну, на меня, полагаю, выбор пал совершенно случайно.

– Случайно ничего не делается. – Зверь разглядывал его так же внимательно, как утром. – Я же сказал, что вы жертва. Жертва моя, но убить вас я собираюсь по приказу того, кому служу.

– Сатана! – Отец Алексей откинулся в кресле. Чуть слышно рассмеялся. – Подумать только, а я спрашивал, кто ваш хозяин! Как вы сказали тогда? Он далеко и я вряд ли с ним встречусь? Ну конечно. Теперь понятно, почему священники. И прозвище ваше... Послушайте, но это же детство. Сколько вам лет, Зверь?

– Конечно, детство, – спокойно улыбнулся Зверь. – Дьяволу все равно, кого убивают, как убивают и убивают ли вообще. Но многие верят, что ему нужны смерти, особенно смерти тех, кто служит тому, другому. А я, уж поверьте, получаю свой маленький кусочек радости от хорошо выполненного убийства.

– Обыкновенный садизм, – понимающе кивнул отец Алексей. – Возвращенный на почву какого-нибудь застарелого комплекса.

– Надо полагать. Я иногда пытаюсь понять, откуда что взялось. Но, знаете, это довольно слабая зарядка для ума. Слабее даже, чем устный счет.

– Не боитесь?

– Чего?

– Вы признаёте существование Сатаны, следовательно, признаёте и существование ада. Что ждет вас после смерти?

– Да уж не то, что вас, – Зверь задумчиво опустил взгляд, – и, конечно, если бы все жертвы были такими шустрыми, как вы, святой отец, я бы не зажился. Однако мне везет. Просто безобразно везет, и вы сегодня столкнулись с этим на практике, не так ли? Так что проживу я еще долго. И достаточно счастливо.

– А потом придется платить.

– Так ведь потом. Какое чудное средневековье получается, не находите? Христианский священник пугает ужасами загробной жизни погрязшего в грехах сатаниста.

– Большинство грехов – это соблазны, – отец Алексей поставил пустую чашку, – и вполне понятно, что люди не находят в себе ни сил, ни желания противостоять им. Однако убийство – это не то, что может привлекать, и не то, без чего трудно обойтись.

– Слаб человек, – вздохнул Зверь. – А смерть, своя или чужая, это самый большой соблазн, какой только есть в мире. – Он поднялся на ноги. – Время позднее. Спать пора. Что же до грехов и соблазнов, вспомните лучше, что и вы сами когда-то готовы были убивать. Да еще как убивать. Ничуть не хуже, чем делаю это я. И сдается мне, не умерла в вас эта готовность, а просто затаилась до времени. Спокойной ночи.

Темно в комнате. Тусклые лунные лучи белесыми потоками льются сквозь узкие окна. Закрыта дверь.

Отец Алексей задумчиво посмотрел на скрытый в резьбе выключатель. Спать пора. И вправду поздно уже.

Вразуми, Господи!

Вертится мысль на самом краю сознания. Осознание. Знание. Вот оно, тут, рядом, поймать бы только. Но, как тень, что ловится на пределе видимости и исчезает, стоит присмотреться, как тень мысли...

Нет ничего. Но ведь было. Поблазнилось?

Привиделось?

Вразуми! Господи!

Глава 3

Когда наступит подходящий момент, нужно действовать...
Сунь-цзы

А утро ясное и свежее. Жить интересно и весело. Даже в одной клетке с хищным и опасным животным. С человеком. Он тоже мог бы назваться Зверем. Или его могли так назвать. Что снилось ночью? А что хорошего могло присниться, если этот там, наверху, взывал к своему Богу с отчаянной страстностью первохристиан? Убить такого – дело чести, если бы была честь у экзекутора. Дело принципа, если бы были у него принципы. Убить такого интересно. И полезно. Во всех отношениях.

Немаленькая доля отнятой у трех позавчерашних покойников силы ушла на то, чтобы устоять на ногах после того удара. И еще больше на то, чтобы за несколько секунд залечить разбитые губы. Молодец священник. Это додуматься надо – одеколоном в глаза брызнуть. Впредь тебе, палач, наука. Не расслабляйся. Самому-то и в голову не пришло, что безобидные, мягкие и легкие бутылочки могут быть опасны. Все-то ты расцениваешь с точки зрения грубой силы.

Олег закончил разминку. Вымылся. Позавтракал. Настроение, несмотря на дрянные сны, было прекрасным. Прожить сегодня. А завтра вечером – все. Хорошая жертва будет хорошо умирать. И ценки из «Черного Ритуала» пачками станут валиться в обморок от страха. А те, кто не упадет, кто сумеет почувствовать и принять из его рук чудесный дар чужой смерти, из них люди вырастут. И новое убийство через месяц. Большое и красивое, как то, что предстоит завтра. А там до дня всех святых можно будет оставаться в небе, сил от двух церемоний хватит надолго. Если, конечно, не поступит еще какой-нибудь внеочередной заказ от Магистра...

Магистр. Нет, плохо пахнет это дело. Разумом не понять, чутье звериное, Звериное, покою не дает.

Но ведь как раз в этом и смысл.

Испугаешься сейчас, так и останешься на всю жизнь человеком. Будут, конечно, бояться. И нуждаться в тебе отчаянно тоже будут. Но при всем при том будут и знать, что ты, экзекутор, так же слаб, как все другие. Что сердце у тебя есть и душа какая-никакая.

Пройти Посвящение, что ли? Продаться с потрохами. Интересно, сам-то Магистр верит во все эти глупости с продажей души? Верит не верит, а уговорить пытается. Зачем, интересно? Хочет, чтобы убийца его прикормленный ручным стал? Нет уж. Много чести. Понять Магистр не может, что палачу без него, так же как и ему без палача, не прожить.

Смерти нужны. Кровь нужна. Четырежды в году – это как минимум, а сколько еще убийств промежуточных, быстрых, почти незаметных. И еще нередкие во время церемоний смерти тех, кто приходил в Орден, чтобы разнюхать, разведать, рассмотреть и рассказать не там, где следует, и не тем, кому стоит знать слишком много. Не так-то легко будет утолять голод, когда не окажется к услугам экзекутора всего прекрасно отлаженного механизма Ордена. Без сети «нор», без смены машин, без надежного прикрытия долго ли проживет такой наркоман?

Долго. Положа руку на сердце – достаточно долго. Потому что есть уже свое. Не столь могучее, не столь широко раскинутое, но есть. Однако лениво ведь. Лени-иво.

* * *

Утро ясное и свежее. Голова почти не болит. И челюсть как новая. А ведь Зверю ничего не стоило переломать ему все кости. Интересно, кто это придумал, что большой парень всегда уделает маленького парня? Шутник какой-то, не иначе.

Сатанист. Глупо-то как. И как страшно. Отец Алексей знал, что в большинстве случаев сатанизм – забава для детей. Многие проходят через это, но почти все излечиваются рано или поздно. Есть вещи куда более серьезные, интересы куда более жизненные. Разумеется, встречаются люди больные, с насквозь прогнившей душой, находящие какое-то извращенное удовольствие в служении злу.

В изуверских убийствах.

И конечно, были, есть и будут люди, которые строят свое благополучие на чужой искренней вере.

«Люди, отбивающие хлеб у церкви». Отец Алексей закончил отжиматься и отправился по комнате на руках, машинально считая шаги.

Если быть честным с самим собой, то действительно церковь занималась примерно тем же самым. Так повелось от века. Православие жило за счет подаяния и милостыни. Но церковь и отдавала сторицей. И не только в трудные для Отечества годы. Сколько пожертвований получили школы, больницы, дома престарелых и детские приюты...

Приоты...

«Оправдываешься?» – ехидно поинтересовался священник сам у себя.

И мысль ускользнула. Так же как ускользала всю ночь.

Убийство. Убийство... Господи, он ведь действительно готов был убить. Тело действовало само, без проблеска мысли. Делал как учили. И сейчас холодными мурашками по телу запоздалый страх. А если бы убил?! Как быть тогда?

О том, что его самого смерть ждала буквально на следующий день, отец Алексей не забывал ни на миг. Спасти себя было необходимо, но не ценой чужой жизни, пусть и жизни убийцы. Смерть – таинство страшное и великое, и не людям решать, когда и к кому она явится.

В положенное время пришел Зверь. Привез завтрак. Поинтересовался самочувствием. Спокойный и вежливый, как вчера.

Отец Алексей уже убедился, что в ванной не осталось ничего хоть сколько-нибудь опасного. Излив был поставлен на место и прикручен так, что снять его без инструментов нечего было и мечтать.

– Задним умом медведь умен, – пробормотал отец Алексей вместо «доброе утро».

– Да толку в нем, – вздохнув, продолжил Зверь, – вы наверняка придумаете что-нибудь еще. Целый день впереди. Попробуйте порвать простыни на веревку. Если переставить вон то кресло сюда, к дверям, веревку можно будет зацепить за его ножки и протянуть у самого пола.

– Чтобы натянуть, когда вы войдете?

– Ну да.

– Ничего не выйдет. Я думал об этом. Но от моего кресла до того места, где вы споткнетесь, слишком далеко. А вчерашняя моя попытка нападения убедительно доказывает бесполезность прямой атаки даже с расстояния куда более близкого. Кстати, удар ведь прошел. Как же получилось, что на вас ни царапины?

Зверь покачал головой:

– Все разговоры после ужина. Вам принести что-нибудь почитать?

– Не хочу показаться банальным, но, может быть, здесь найдется Библия? Или вы таких книг не держите из принципа?

– Отец Алексей, – укоризненно протянул Зверь, – за кого вы меня принимаете? Не могу сказать, что Священное Писание – моя настольная книга, но уж для вас-то найдется экземпляр. Правда, без обложки. Очень она твердая и тяжелая. Это ничего?

– Без обложки – это не страшно, – в тон убийце ответил священник, – главное, чтобы без порнографических картинок между страницами.

– Хм, – Зверь, уже стоящий в дверях, задумался, – удивительно, почему Библия с порнографией пришла в голову вам, а не мне? Ладно, принесу. Без обложки и без картинок.

...Ветхий завет выучен уже, казалось бы, наизусть. Сколько же можно читать его и перечитывать, пытаясь открыть для себя что-то новое? До бесконечности, наверное. Особенно сейчас, когда горячим нетерпением налито тело. Когда хочется бить и убивать... как это страшно все-таки. Непривычно, но кажется почему-то таким естественным.

Очень важно понять, как случилось, что удар, который должен был если не убить, то хотя бы надолго оглушить, не нанес ни малейшего вреда.

И не менее важно найти оправдание этой своей готовности лишиться жизни другого человека.

«Око за око».

Были времена, когда священники сражались как солдаты. Погибали и убивали. Значит ли это, что сейчас, здесь, спасая свою жизнь, он, отец Алексей, может убить, чтобы выжить?

В общем, да. Допустимо убийство ради спасения близких или себя самого. Но невозможно служить после пролития крови. Литургия – важнейшая из служб – становится недоступна.

И, по правде сказать, убивать конкретного человека, этого самого Зверя, спокойного, обаятельного, дружелюбного, не хотелось совсем. Это нежелание исчезнет, как только вновь дойдет до дела. В бою очень легко забыть, кто перед тобой, друг или враг. В бою есть противник, и ты должен победить – или победят тебя. Должен убить, или тебя убьют.

Что же смущает?

За что так упорно цепляется разум, что за мысль не дает покоя?

Неприметная внешность.

Не столь уж и неприметная, если приглядываться внимательно. Очертания рта: короткая, словно срезанная верхняя губа. И четко очерченная нижняя. Подбородок выпирает вперед, вызывающий, но не тяжелый, тонкая переносица... Где он видел это?

Позабыв о книге, отец Алексей сорвался с места и влетел в ванную комнату.

Зеркала. Пластиковые, намертво впаянные в стены. Их не разбить, а значит, нельзя использовать как оружие. Но ему сейчас нужно было не оружие.

Выворачивая шею, скашивая глаза, он пытался разглядеть себя в профиль. Потом сообразил, открыл зеркальную дверцу шкафчика и встал так, чтобы видеть свое отраженное лицо в большом зеркале на стене.

Борода мешала, конечно. Борода и усы. Но не настолько они мешали, чтобы не разобрать те же самые очертания губ, почти такой же подбородок и нос. Типичные. Вызывающе монголоидные.

– И руки, – усевшись на теплый пол ванной, пробормотал отец Алексей.

Тонкая кость, характерная для семитов, некоторых африканских народов и монголоидов. В Звере не было ярко выраженных семитских черт, в его лице вообще не было приметных особенностей. Если не смотреть внимательно. А отец Алексей присматривался, еще как присматривался, когда пытался понять, как же удалось его тюремщику уцелеть после смертельного удара.

– Зверь, – почти простонал он и бессмысленно уставился в мягко светящийся потолок ванной комнаты. – Зверь.

Как же быть теперь? Как вести себя? Как говорить с ним? И что же он сам, воскресший из мертвых, разве не знает, кого держит в уютной тюрьме, так близко от себя? Так близко. Ближе, чем позволяет здравый смысл и инстинкт самосохранения.

«Око за око».

«Ты же ничего не знаешь, – напоминал себе отец Алексей, – ты ни в чем не можешь быть уверен».

Но, не слушая доводов разума, сердце ли или душа, наитие какое-то, свыше или из непроглядной бездны, говорили: знаешь. Все знаешь. И во всем уверен. И легко, прочно, как детальки детского конструктора, сцеплялись друг с другом домыслы и факты. Выстраивалась картинка. Горло давилось криком, руки в кулаки – до боли, до смертной белизны на костяшках.

Как это легко: сложить два и два. Как это невыносимо трудно.

Можно ли считать первым слагаемым монголоидные черты лица и выразительные, тонкие, красивые руки?

Можно ли считать вторым – готовящееся убийство? И прозвище? Зверь. Не прозвище, а имя. Точнее, фамилия, странная для слуха, но тем не менее настоящая.

– Мам, а знаешь, как его зовут? Зверь!

– Правда? Олечка, кто же тебя так назвал?

– Никто, Гюльнара Ануаровна. – Голос вежливый, чудесная улыбка. – Это фамилия. У меня папа украинец. – И после паузы. Кратенькой. Почти незаметной. – Был.

Эта пауза. Сколько смысла в ней. Бедный ребенок потерял обоих родителей...

Мразь, ах какая же мразь.

И сияющие глаза Маринки. Сестренка...

Она в таком восторге была от нового своего друга. Пусть не скажешь про него, что он из хорошей семьи, так даже привлекательнее. Романтика. Другие люди, другие отношения и компания, странная, но интересная. Мама с папой не возражали. Их можно понять. Пусть лучше дочка бегаёт в какой-то там детский клуб, где есть кому присмотреть за ребятами, где они заняты делом, читают книжки, обсуждают их, чем свяжется с действительно дурной компанией.

А уж Олег, он просто очаровал всю семью. Даже бабушку, убежденную противницу всех и всяческих гостей в доме Чавдаровых.

Маринка.

– Отец Алексей...

Священник вздрогнул от этого приятного спокойного голоса. Поднялся на ноги. И остался стоять. Нельзя поддаваться чувствам сейчас. Вообще нельзя поддаваться чувствам. Зверь пристрелит его сразу, как только поймет, насколько опасен стал пленник. Как только поймет, что теперь в его клетке тоже сидит Зверь.

– Отец Алексей, будьте любезны выйти из ванной и сесть в свое кресло.

Как может он говорить так спокойно? Как может быть дружелюбным и вежливым? Как...

«Так же, как и ты, – холодно сказал себе священник. – Точно так же».

«Он играет».

Злость отбивала в груди рваные стаккато. И нужно было смирить ее, успокоить, упокоить. Удавить.

«Он просто играет».

Давным-давно, еще в детстве, отец Алексей, тогда его звали Александром, Сашкой, сам был таким. И они с Олегом... со Зверем понимали друг друга прекрасно. Дети любят риск. Не зная еще ни настоящей боли, ни настоящего страха, дети играют. Родители могут волноваться, переживать, запрещать что-то. Дети не могут. Не умеют и не хотят. Не для них это.

И Зверь играет.

Он представился своим настоящим именем. Он ничего не скрывает, а если спросить – ответит. Ответит честно. Он предоставил своему пленнику определенную свободу действий. Он знает, что его жертва опасна. И ему это нравится.

Пацан!

Скорее кошка, привыкшая играть с мышами, но схватившая крысу. И знает уже, что крыса, пожалуй, способна ее сожрать, а остановиться не может.

Или нет?

Отец Алексей проследил, как открылась дверь и Зверь выкатил тележку с посудой.

Нет.

Ему просто наплевать. Ему все равно, кого он поймал. Кого хочет убить. Для него не имеют значения события десятилетней давности. Ведь это не его сестру нашли убитой, изуверски убитой. Господи, за что?! Как долго умирала она? Минуты? Часы? Это не его мать сошла с ума, не в силах справиться с горем. Не его отец, раздавленный всеми бедами сразу, начал спиваться, на глазах теряя человеческий облик...

«Ты себя жалеешь, никак? – Отец Алексей упруго поднялся с кресла и начал ходить по мягкому ковру, кружить по комнате бесцельно и бессмысленно. – Вот уж зря. Жалеть надо других. Тех, кому плохо сейчас. Ты свои беды в прошлом оставил. Богу себя вручил. Ты счастлив должен быть».

Быть счастливым. И помнить. Всегда помнить.

Сияющие глаза Маринки.

«Ей выкололи глаза еще живой... живой еще... понимаешь ты?!»

Пьяные крики отца.

«Печень вырезали... а она жила. Глаза выкололи. Жила. Сердце вырвали, а она еще жива была... Да кто же он, дружок твой?! Не человек он. Нет. Он тварь, которой на земле не место!»

И такая черная, злая ярость кипела в душе. Ведь и Олег погиб. Три дня прошло после смерти Маринки, ее еще и не нашли тогда, когда сгорел его интернат. Сгорел. Никто не выжил. Сигнализация сработать не успела. Потом, когда выяснили, кто убийца, Сашка Чавдаров чуть сам не спятил от сознания, что не он, не его руками... Он бы за сестру, за все... Порвал бы на куски, изуродовал, глаза вырвал...

«Сколько эмоций. – Отец Алексей продолжал расхаживать по комнате. Неторопливо. Спокойно. – Сколько было эмоций».

А ведь именно благодаря Зверю пришел он к Богу. Понял, что есть в мире зло. И решил, что должно быть добро. Такое же совершенное, абсолютное, беспредельное, как зло, сотворенное с его семьей. Конечно, все случилось позже. Много позже. И понято было многое. И оценено. И переоценено. И смерть Олега стала спасением для Сашки. Спасением от себя и от зла, что жило в его собственной душе. Убийца отомщен, но мстил не человек. И это правильно. Так и должно быть. Бог знает лучше, когда и чей приходит черед.

Присутствие Зверя в доме он ощущал почти физически. Не просто знал, что убийца его сестры где-то поблизости, нет. Чувствовал. Позвоночным столбом осязал.

Не человек стережет его теперь и не зверь даже. Нечто безликое и бессмысленное, живой организм, созданный для творения зла. Кем созданный? Не важно. Если даже и Богом, это все равно не имеет значения. Такое не должно существовать. Такое должно быть уничтожено.

Ни в Ветхом, ни в Новом Завете не найдет отец Алексей слов, которые поддержали бы его сейчас, слов, которые укрепили бы. Но Сашка Чавдаров в этих словах и не нуждался. Он только не мог понять, как же получилось, что его удар, удар, которым убивают, не причинил Зверю ни малейшего вреда.

... – Эта комната изначально замысливалась как тюрьма?

– Думаю, да, – матово-черные глаза задумчиво оглядывают стены, – безобразный интерьер, не так ли? Вкус у дизайнера, без сомнения, был, а вот образования очень не хватало, – Зверь чуть виновато пожал плечами, – я давно собираюсь что-нибудь с этим сделать, но, откровенно говоря, руки не доходят. Да и зачем? Покои отведены для мертвых, для тех, кто живет последние часы, не думаю, что их волнует соответствие стиля и реальной истории.

- Остальная часть дома оформлена иначе?
- Да.
- Зачем тюрьма вам, понятно. А как использовал ее предыдущий хозяин?
- Вы очень любопытная жертва, – Зверь приподнял бровь, – с вами даже интересно. Я не знаю насчет предыдущего хозяина, но это старый дом. Он строился еще в те времена, когда некоторым людям было позволено многое. Правда, содержали здесь, скорее всего, женщин.
- Что, люди, которым было позволено многое, не могли позволить себе женщин без насилия?
- Зверь задумчиво покусал губу.
- Нет. Дело, пожалуй, в том, что с насилием интереснее. Победить всегда приятнее, чем договориться.
- Победить, а потом убить?
- Я не знаю, как тогда было принято. Такие вопросы лучше задавать историкам.
- Что же знаете вы? Помимо теории и практики убийств?
- Да в общем-то мне ничего больше не нужно.
- Жаль, – отец Алексей вздохнул, – вы не самый интересный собеседник.
- Это верно, – убийца хмыкнул, – я обычно не развлекаю жертв разговорами. Я их убиваю.
- Ну до этого времени нужно еще дожить.
- Не переживайте, – Зверь улыбнулся, – доживем.
- Может, опишете пока процесс? Чтобы я хоть знал, чего ожидать.
- Отец Алексей, – в черных глазах легкая укоризна, – вы же прекрасно знаете весь процесс. Я бы сказал, знаете в подробностях.
- То есть все будет так, как в книгах? Алтарь, пентаграммы, благовоения, каменный нож...
- Каменного не обещаю. Вообще, ритуальные ножи, на мой взгляд, глупость. Набор хирургических инструментов вас устроит?
- И что будет сначала? Печень или глаза? – Он спрашивал, а внутри все холодело от сжимавшейся тугой и тугой пружины ненависти и спокойствия. Маринке вырезали печень. Глаза лишь потом... – ...Она видела все, что делали с ней...
- Да, – кивнул Зверь, – видела. Если вас это утешит, могу сказать, что с ней победить и убить не получилось. Только убить.
- Почему же?
- Зверь задумчиво пожал плечами:
- Трудно сказать. Мне не доставало опыта. Первое убийство чем-то сродни первой ночи с женщиной. Далеко не все получается так, как хотелось бы.
- Значит, она была первой?
- Что же, по-вашему, я к четырнадцати годам уже успел стать завзятым убийцей?
- По-моему, ты таким родился, – заметил отец Алексей.
- Ну что вы, – покачал головой Зверь, – люди не рождаются ни убийцами, ни священниками. Ими становятся.
- Зачем же ты сделал это? Раз она была первой, ты не мог знать, что чужая смерть доставит тебе удовольствие. Почему ты выбрал именно ее?
- А имя *ее* не должно в моем присутствии произноситься даже мысленно? – улыбнувшись, спросил Зверь. – Дабы не осквернить? Зачем – объяснять долго и скучно. К тому же вам может показаться, что я оправдываюсь. Почему *ее*? Потому же, почему «зачем». Убийство было не целью. Всего лишь средством к достижению цели.
- Какой?
- Это не важно.
- А за меня ты решил взяться лишь через десять лет? Зачем было тянуть так долго?

– Я решил? – Зверь, кажется, был слегка удивлен таким предположением. – Что вы, отец Алексей, я ничего не решал.

– Тогда кто же?

– Обстоятельства. Видимо, вам обоим на роду было написано умереть от моей руки.

– Вот даже как, – отец Алексей хмыкнул. И понял вдруг, словно озарение снизошло на него, понял, что знает, как выбраться отсюда живым. Это было рискованно. Страшно было. Но это могло сработать. – ...Знаешь, сейчас я думаю, что грех самоубийства предпочтительней мученической смерти.

– С точки зрения нормального человека – разумеется. Но вы-то священник. Для вас куда лучше стать мучеником. – И вновь он улыбался, разглядывая своего оппонента. Спокойно так улыбался. И так же спокойно, хоть и без улыбки, смотрел на него Сашка Чавдаров.

«Святой отец»... Он-то думал, что Зверь не знает о том, что православие не позволяет причислять к святым тех, кто еще не ушел к Богу, а это была простая констатация факта. Зверь обещал своей жертве канонизацию, и Зверь уже не числил его среди живых.

– Вы прославитесь, – тот кивнул, словно услышал невысказанные мысли, – ваше начальство любит скандальные истории, потому что их любят прихожане, а уж то, что сделаю с вами я, потянет на совершенно изумительный скандал. Хорошая реклама, между прочим.

– Зачем ты выделяешься? – поинтересовался священник. – Ждешь, что я прямо сейчас на тебя наброшусь? Или проверяешь прочность христианского долготерпения?

– Скорее второе. Вряд ли вы станете набрасываться, максимум, чего можно ожидать, это пары ругательств. Я видел множество потерявших спокойствие священников, но я не видел ни одного озверевшего Сашку Чавдарова. Вы даже в драках всегда оставались хладнокровным и рассудительным.

– Кстати о драках, – вспомнил отец Алексей, – как же ты все-таки уцелел вчера?

– Маленькая профессиональная тайна, – Зверь нахмурился, – я ведь имею право на свои секреты? Поверите ли, моей личной жизнью интересуется столько людей... Совершенно ни к чему делать всю ее достоянием общественности.

– Общественность – это я?

– В данном случае именно вы.

– Убирайся.

– Как скажете. Пока еще вы гость и почти все ваши желания закон для меня. Ну а уж завтра настанет мое время.

– Послезавтра. Ритуал-то начнется в полночь.

– Ну-у, святой отец, – Зверь, уже вставший из кресла, разочаровано поморщился, – не будьте таким банальным. Ритуал начнется тогда, когда начнется. Не раньше и не позже. Полночь здесь совершенно ни при чем. Спокойной ночи. Постарайтесь хорошо выспаться.

– Ты не убьешь меня, – напомнил отец Алексей в спину уходящему убийце.

– Посмотрим, – ответил Зверь, не оборачиваясь. И остановился в дверях. – Я действительно не хотел убивать ее, – сказал он тихо. – Я убил того, кто заставил меня сделать это. – Он все-таки обернулся, глянул чуть растерянно: – Почему мне хочется, чтобы ты поверил?.. Не важно. До завтра.

Отец Алексей сдержал желание ударить кулаком по подлокотнику кресла. Нужно было оставаться спокойным. Пусть наигранно. Пусть его спокойствие нимало не походило на вежливую безмятежность Зверя. Пусть. Вся ненависть, решимость, жажда убивать, свернувшиеся в тугой клубок, понадобятся чуть позже. Уже скоро. Когда он перестанет быть гостем. А Зверь так и не станет хозяином.

...Ночь за окнами вздыхала тепло и глубоко. Такие ночи бывают в августе где-нибудь на берегах теплых морей, а не в мае – в Уральских горах. Отец Алексей сидел в кресле и внимательно слушал тишину за окнами, тишину в доме, тишину в себе самом.

Поднял глаза к небу, невидимому взглядом, к тому небу, которое знал и чувствовал в себе:

– Страшное замысливаю, Господи. Помоги. И... прости. Не от доброты своей прости, от понимания. Я ведь не человека убью. Я испорченную машину выключу. Опасную. Если бы он был нужен тебе, Господи, Ты не позволил бы нам встретиться. А раз уж позволил, значит, хочешь, чтобы я сделал то, что должен. Никогда Ты не оставлял меня. Не оставь и сейчас.

Он чувствовал, как душа переполняется светом и уверенностью в собственных силах. Он чувствовал Бога, его терпеливое, спокойное внимание. Понимание.

А готовности простить не слышал. Но это уже не смущало.

Отец Алексей встал из кресла и подошел к тяжелому письменному столу, крепко упершемуся в густой ворс ковра четырьмя толстыми ногами.

Настольная лампа была намертво вделана в столешницу. Красивая лампа из хрусталя и черного агата – часть письменного прибора, который сам по себе был деталью псевдославянского интерьера. Довольно неожиданной деталью. Далекие предки немало подивились бы и лампе, и тяжелой каменной пепельнице, и уж конечно зажигалке...

Зажигалка не работала. Пепельница росла прямо из стола. Лампу даже разбить было нечем.

За два дня, проведенных в своей тюрьме, отец Алексей перепробовал на предмет убийности все, до чего смог дотянуться. Тщетно. Делали на совесть. И все же сейчас священнику нужна была именно лампа. Не красивый, играющий светом на множестве граней хрустальный шар, а сетевой шнур, заключенный в гибкую пластиковую оболочку.

Этажом ниже Олег отложил карандаш и вскинул голову, прислушиваясь. Болезненной вспышкой дом пронзила тревога. Мгновенная, тут же угасшая.

Он выдохнул и бездумно уставился на лист бумаги перед собой.

Стоило бы подняться наверх, посмотреть, как там жертва. Или хотя бы взглянуть на мониторы. Почему, кстати, этот... отец Алексей не уничтожил камеры? Ведь он нашел их...

Ну что ты дергаешься, Зверь? Что может сделать запертый в тюремных покоях священник? Дверь выбить? Проще стену проломить.

Не хотелось идти. Совсем не хотелось. Тем более что ощущение опасности ушло. Да и опасность грозила не человеку. Это дом почувствовал что-то. Он вообще был очень чутким, резной терем-игрушка, и вздрагивал нервно, даже когда подходили близко к ограде лоси или медведь.

Лесные твари привыкли, что их здесь подкармливают. Иногда, если не звало настойчиво небо, экзекутор проводил в этом забытом богом и людьми тереме один-два месяца. После каждого Ритуала у него было что-то вроде отпуска, и убийца, как медведь в берлогу, прятался в роскошный терем, ограничивая связи с внешним миром одним лишь постоянно действующим персональным каналом Магистра.

Олег задумчиво слушал дом. Карандаш словно сам бежал по бумаге, и проступали на чистой белизне два огромных, слегка изумленных глаза, горбатый развесистый нос, покрытый бархатистой, нежной-нежной шерстью. Вислые губы.

Лосенок.

На этих длинноногих, всегда слюнявых убийца за несколько лет понасмотрелся. Насколько грациозны и смертельно тяжелы были родители, настолько же нелепыми, беспомощными казались детеныши. Зверь был хорошо знаком с лосихой и быком, почему-то всегда одним и тем же. Взрослые его не боялись. Дети, глядя на родителей, тоже привыкали быстро.

Кроме семьи лосей, неподалеку от теремка жила медведица, которая тоже заходила за угощением, правда лишь в теплое время года. А еще были волки. Нелюдимые летом, зимой они становились общительны и послушны на загляденье.

Олег улыбнулся. Звонок Магистра выдернул его из казахской степи, где огромная стая волков, преданных как собаки, готова была убивать по первому слову хозяина. Хорошие они. Любят его. Не за пищу, много ли той пищи – десяток трупов за год, просто любят.

Из зверья Олег не дружил только с собаками.

Не любил стайных. Тем более помоечных. Медведь, конечно, тоже, дай ему волю, ни одной помойки не пропустит. А волки, те прямо так, стаями, по помойкам и лазают. Ну так он медведь. А они волки. Им многое позволено.

Все мирно уживались на одном листе ватмана. Дрожащий лосенок, его спокойная, чуть высокомерная мать, косматая медведица с влажно блестящим, похожим на пороссячий пятак носом...

Дом вскрикнул от страха и боли.

И Олег вскочил, опрокинув стул.

Идиот! Кретин! Мечтатель хренов! Что ты себе позволяешь, скотина?!

Второй этаж был уже полон дыма. Едкого, беловатого, какой бывает от сгоревшей шерсти.

«Ковры...»

Зверь задохнулся. Метнулся к висящему у окна огнетушителю. Вернулся к двери. Пальцами толкнул смотровую пластину. Так и есть, стены уже горели. Проклятый священник лежал рядом с дверью. Надо думать, в последний момент испугался смерти, пытался выбраться из горящей комнаты.

Ключ легко повернулся в замке.

Из тюремных покоев пахло жаром. Потолок угрожающе потрескивал, осветительные пластины лопались с болезненным звоном.

Олег одной рукой ухватил свою жертву за ворот...

...Боль была такая, что несколько мгновений он ее просто не чувствовал. Лишь корчился на полу, хватая ртом воздух, задыхаясь от дыма. Следующий удар был по лицу. В переносицу. И этот удар стал последним.

* * *

Отец Алексей быстро обыскал тело. Оружия не нашел, схватил огнетушитель и вылетел за дверь. Захлопнул ее за собой, запер на два оборота. Он знал, конечно, что оставляет в комнате труп. Уж сейчас-то бил наверняка. Осколки носовой кости ударили в мозг. С этим не живут. Даже Звери не живут. И все-таки запер дверь.

По задымленной лестнице – вниз. На улицу.

Несколько секунд священник просто дышал. Он настолько свыкся с мыслью о неизбежной смерти, пока лежал в горящей комнате, ожидая появления убийцы, что сейчас каждый глоток воздуха казался первым в жизни. Однако дом горел. И следовало поспешить.

Отец Алексей толкнул вверх выкрашенную под дерево дверь гаража. Здесь еще работали осветители, в ярком свете сияла гладкими боками и бессмысленной выпуклостью лобового стекла пятидверная «нива».

Ее заднее сиденье отец Алексей не спутал бы ни с каким другим.

Он скользнул за руль. Не глядя протянул руку к ключам зажигания.

Их не было.

Еще не веря, священник провел пальцами по замку зажигания. Ключей не было.

Зверь не имел привычки оставлять их в машине.

– Мать твою в бога душу... – яростно прошептал отец Алексей.

У Зверя были в кармане какие-то ключи. Они попались под руку при обыске, но отец Алексей спешил, поэтому не обратил на это внимания. Искал-то оружие. Почему-то уверен был, что убийца шагу не сделает без хотя бы парализатора.

Значит, надо возвращаться. Нечего и думать завести машину без ключей – никогда это толком не получалось, сколько ни учился. А выбраться из этой глуши без автомобиля можно и не успеть. Зверь говорил о церемонии. Вдруг он ожидал гостей. Они ведь могут появиться уже утром. Будут искать. Нет. Пешком не уйти.

Ладно, снять с трупа ключи не страшнее, чем сделать трупом живого человека.

Отец Алексей разыскал в наборе инструментов тяжеленную монтировку, глотнул напоследок чистого ночного воздуха, вернулся в задымленные сени и бегом помчался по лестнице вверх, закрывая лицо мокрым обрывком собственной рясы.

Олег дышал дымом. В ушах звенело, кружилась голова. Комната горела, волосы потрескивали, он чувствовал, как скручиваются от жара брови и ресницы. Закашлялся, выплевывая кровь, комком стоявшую в горле.

Проклятый священник. Как же быстро уходят чужие жизни. Вчера одна. Сегодня другая...

А дверь оказалась заперта.

Олег взвыл от ярости, с размаху ударив плечом в тяжелое дерево. Вот и попался, идиот. Давно ли смеялся, мол, проще стену сломать.

Уже понимая бесполезность попыток, он снова ударил. Всем телом. Наверное, этого делать не следовало, потому что удар отозвался болью в черепе, снова потекла кровь, заливая и без того перепачканную рубашку. Проскрежетав ногтями по двери, Олег ополз на пол. Остался сидеть, уронив голову на горячие резные планки.

Вот так и умирают...

У него оставалась еще одна жизнь. Еще одна, кроме своей собственной. Значит, умрет он не скоро. Не быстро. Не задохнется и даже сгорит не сразу... Может, получится потерять сознание от дыма?

Нет! Нельзя! Нельзя умирать. Только не так, не в огне... Он не сгорит, он не должен, не может...

Ужас сменялся яростью. Бессмысленной, рычащей, безрассудной.

Не огонь... Нет, только не огонь.

Задыхаясь и кашляя, он вновь стал подниматься на ноги. Цеплялся руками за плачущую лаком резьбу. Пальцы липли...

Дверь распахнулась неожиданно. И Олег, потеряв опору, рухнул на колени перед отцом Алексием.

Кажется, его кости ломались под ударами. Череп, во всяком случае, точно треснул. Потом снова пришли темнота и ночная тишь. Здесь не было места жару и пламени. Огонь не успел. Опять не успел.

Выдергивая из кармана убийцы простенький брелок с двумя ключами, священник увидел, что Зверь улыбается. Эта улыбка на обожженном, разбитом, залитом кровью лице была настолько жуткой, что отец Алексей, сам себе удивляясь, ногой отпихнул тело Зверя обратно в комнату. И вновь закрыл дверь на ключ.

Выбраться из дома во второй раз оказалось сложнее. И все-таки священник нашел выход на улицу. Вернулся в гараж. Убедился, что «нива» действительно на ходу. После чего, оставив мотор включенным, он разлил по полу, расплескал по стенам содержимое трех больших бочек

с горячим и, выезжая, с силой приложился бортом «нивы» к металлическим несущим, по которым поднималась и опускалась дверь гаража. Искры брызнули радостной, слепящей дугой.

Он успел. Успел вынестись за ворота. Красивый терем за спиной протяжно застонал, охнул, просел, и пламя грохочущим бесом взвилось к черному небу.

Живой или мертвый, Зверь получил могилу, которой заслуживал.

«В конце концов, – холодно сказал себе отец Алексей, выворачивая с одной лесной дорожки на другую и удивляясь сложности, с какой путались друг в друге эти тропинки, – в конце концов, он погиб именно при пожаре, еще десять лет назад. И все это время жил по ошибке. Кто-то должен был восстановить справедливость».

* * *

– Олег... Олечка...

Голос был знакомым. И он был... прохладным, в нем капли звенели, прозрачные, ледяные капли, что падают весной с тонких сосулков в звонкие зеркальца воды.

– Олечка, вставай. Ну вставай же. Ты можешь.

Встать? Куда там! Даже думать о том, чтобы пошевелиться, и то было больно.

Но голос звенел, просил, настаивал. Голос не давал соскользнуть обратно в гулкую темноту. Олег не видел, кто говорит с ним, но ему и не нужно было видеть. Это лицо он знал, знал во всех мелочах и подробностях, знал глазами, цепкими, памятьливыми глазами художника, знал руками, чуткими пальцами музыканта, губами знал робкую теплоту и нежность ее губ, бархатную мягкость кожи, он знал ее запах и вкус, он знал ее дыхание...

Он встал, почти ослепший, рыча от боли, но встал. Сначала на колени, а потом на ноги. Постоял, качаясь.

Двери не было. Было много дыма, был огонь, укусов которого Олег уже не ощущал, были грохот и треск, но двери не было. Она успела прогореть и выпасть из косяка. Зверь шагнул в дымную пасть дверного проема. Помнил, что впереди лестница. Оступился и скатился по горящим ступенькам.

Потолок наверху полыхнул и перекосялся. Тяжелые деревянные балки рухнули на лестницу, сминая ее, словно ломкий картон.

– Иди, – настаивал голос. – Иди, Олег. Ну же, Зверь, иди. Ты должен идти. Ты не можешь умереть. Тебе нельзя умирать.

И он пошел. Медленно, спотыкаясь, едва не падая. Десять метров от лестницы до дверей показались десятками километров. Здесь бушевал огонь. Но пылающие стены, корчащиеся от жара половицы, трещащие перекрытия ещё держались. Держались, чтобы дать ему, человеку, хозяину, возможность уйти.

А ночная прохлада обожгла люто, до вскрика. Олег сам не знал, как выбрался за ворота, в лес, подальше от пламени. Он почти ничего не видел – что-то случилось с глазами, зато слышал хорошо. Лучше, чем хотелось бы. Он слышал страшный крик погибающего в огне дома, своего дома. Он уходил. Уползал. В землю готов был зарыться, лишь бы кончилось все поскорее. Сколько жизней у неживого? Одна. Всего одна, но как надолго ее хватает.

Голос исчез. Так же неожиданно, как появился. Голос давно умершей девочки. Первой отнятой им жизни.

Олег лежал скорчившись под корнями широкой сосны, рядом с шумящим по камням темным ручьем, трясся от холода и цеплялся за свою боль, вбирал ее каждым нервом, каждой клеткой мозга. Боль означала, что он жив. Ни о чем больше он не мог и думать.

Поэтому без всякого интереса посмотрел он из своего укрытия на зависший над пожарищем пятнистый вертолет. На ловких парней в пятнистой форме, в масках, с короткими ручными парализаторами. Парни оцепляли горящий дом. Появился второй вертолет, ярко-крас-

ный. Пляшущее пламя задохнулось под мощными потоками белоснежной, развалистой пены. Осназовцы врываются в еще живой терем.

Зверю не хотелось ничего. Вообще ничего. Лишь бы не потерять боль. Однако он шевельнулся, до хруста сжав зубы, выбрался из своего укрытия и пошел, а потом и побежал к далекой, даже ночью весьма оживленной трассе.

«Спасибо, Магистр, – отстраненно думалось на бегу. – Спасибо, что учил правильно. Не скажу, что я был готов к такому, но и не скажу, что очень удивлен. Тебе придется поскучать без меня какое-то время, Магистр. Недолго. Надеюсь, что не долго. А потом я припомню тебе сегодняшнюю ночь».

Перед ним остановилась первая же машина. Сердобольные люди ездят ночью по накапанным трассам. Забрав жизни водителя и его костлявой болтушки-жены, Зверь почувствовал себя лучше. Настолько лучше, что нашел в себе благодарность даже к Сашке Чавдарову. Если бы не его выходка, сейчас пришлось бы иметь дело не с дружелюбными, легко сломавшимися путешественниками, а с двумя десятками стрелков осназа. С теми, пожалуй, пришлось бы повозиться. Точнее сказать, это им пришлось бы повозиться со Зверем. И результат подобной «возни», как ни крути, был бы не в его пользу.

За кадром. Весин

– Ну и как вы объясните всю эту чертовщину?

– Именно что чертовщину. – Человек потер пальцами виски.

К этому жесту – боже-мой-как-я-устал-от-чужой-тупости – генерал-майор Весин привык и не обращал на него внимания. Но иногда случалось так, что он действительно чувствовал себя непроходимым тупицей, не способным понять элементарных вещей. Тогда кажущееся превосходство собеседника вызывало раздражение. И приходилось напоминать себе, что тот при всем своем уме все-таки проиграл. Сейчас была как раз такая ситуация.

Весин подавил раздражение, но заговорил более напористо, даже чуть зло:

– Слушайте, Игорь Юрьевич, не начинайте все с начала. Мне нужны объяснения, внятные объяснения, а не мистика.

– Николай Степанович, я уже много раз говорил вам, что «внятных объяснений», которых требуете вы, у меня нет и не может быть. Вы своими материальными лапами влезли в очень тонкую сферу. И вы еще удивляетесь, почему потерпели неудачу?

Он опять за свое! Как взялся с самого начала сбивать с толку всякой метафизикой, так и продолжает в том же духе. И, к сожалению, верит в то, о чем говорит. Шизофреник, самый настоящий. Однако, шизофреник или нет, но Игорь Юрьевич Смольников – единственный человек, который может хоть как-то объяснить, почему сорвалась продуманная, поминутно рассчитанная операция. Куда делся Зверь? Где хотя бы его тело?

– Каким образом ваш исполнитель это устроил?

– Господин министр, – Смольников упорно цеплялся за остатки бывшего высокомерия, – я не знаю ситуации в подробностях. Все, что вы изволили рассказать, сводится к трем фактам: Олег исчез, дом сгорел, священник умудрился сбежать.

– Я, знаете ли, не веду по этому делу никакой письменной документации, – генерал-майор сдержался и не стал копировать снисходительный тон собеседника, – что именно вас интересует? Спрашивайте.

– Священник.

– Добрался до ближайшего полицейского поста. Выглядел ужасно, но говорил вполне связно, хотя и нес какой-то бред. Так показалось дежурному. Разумеется, в указанное место выслали опергруппу. Слава богу, что осназ к тому времени закончил все дела и убрался от пожарища.

– Ну богу не богу, однако здесь вам действительно повезло. Какой именно бред нес священник? Что он рассказывал?

«А что, по-твоему, он мог рассказать?» – Николай Степанович мысленно скрипнул зубами.

– Большую часть вы знаете и так. Его похитил и держал на какой-то лесной даче убийца-сатанист. Священник даже имя назвал: Зверь Олег Михайлович. Этот ваш исполнитель, он что, совсем кретин? Зачем он представился?

– Я не всегда знаю, что и зачем делает Олег. Но, обратите внимание, обычно то, что он делает, дает положительные результаты.

– Сомневаюсь, – хмыкнул генерал-майор, – вряд ли он планировал то, что получилось. Жертва оказалась вашему исполнителю не по зубам.

– Да? – Ирония в голосе Смольникова была вполне искренней. – Вы забыли, наверное, что, окажись жертва «по зубам», Олег попал бы в очень неприятную ситуацию. А так... – Игорь Юрьевич развел руками. – Сорвались не его планы, а ваши.

– Наши, – Весин позволил себе вежливую улыбку, – наши планы, господин Магистр.

Каждый раз, когда Смольникова удавалось поставить на место, Николай Степанович переживал коротенькое мгновение радости. И это при том, что оба прекрасно понимали, кто из них победил, а кто лишь отчаянно цепляется за последние позиции.

– Хорошо, – покорно кивнул Игорь Юрьевич, – наши планы. Продолжайте, пожалуйста. Что именно предприняла жертва?

Опять смена ролей. Но сейчас наблюдать за Магистром даже забавно. Николай Степанович сделал паузу, вспоминая детали:

– Отец Алексей устроил в доме короткое замыкание и пожар. Убийца, желая сохранить свою жертву в целости, кинулся вытаскивать его из комнаты. И подставился. – Право же, некоторые подробности вспоминать совсем не хотелось, они не вписывались в привычную реальность. – Самое странное, – Весин на мгновение сжал губы, – даже, я бы сказал, самое дикое: священник утверждает, что убивал Зверя трижды. В третий раз он пробил ему череп монтировкой и основательно переломал все кости.

– Священник, – Магистр восхищенно покачал головой, – я не отказался бы от такого боевика.

– Он и был когда-то боевиком, – сообщил генерал-майор, – служил в «Скифе».

– Это отряд десанта с «Маршала Сталина»?

– Именно. Вам, Игорь Юрьевич, следовало бы повнимательнее выбирать жертву.

– Отец Алексей интересовал меня в первую очередь как человек, заработавший определенную известность. Он всего за...

– Будьте любезны не перебивать, – рявкнул Весин. И Магистр заткнулся, словно его выключили.

– Священник оставил труп Зверя в комнате на втором этаже. Двери он запер на ключ. К приезду опергруппы второго этажа в доме просто не было. Выгорел начисто. Но какие-то останки должны были найти – не полиция, так осназ. Хотя бы обломки костей.

– Не нашли?

– Ничего не нашли. Я не знаю, какой из отца Алексея священник, но убивать он, как вы понимаете, умеет. И если он говорит, что оставил труп, заметьте, труп, а не тело в бессознательном состоянии, значит, так оно и есть.

– М-да, – Смольников вздохнул и достал сигареты, – теперь я понимаю, что вас смущает.

Николай Степанович удержался от смеха. Даже не улыбнулся. «Смущает»! Да Смольников просто мастер смягчать выражения.

Его собеседник прикурил, глубоко затянулся, выдохнул в потолок тонкую струйку дыма:

– Помнится, я посоветовал вам, Николай Степанович, запросить из Екатеринбурга информацию по убийствам за последние трое суток.

– Да, – согласился генерал-майор, чуть морщась от табачного запаха, – и я даже последовал вашему совету.

– Неужели?

Он как-то слишком осмелел всего за несколько дней. Надеется на что-то? Или... на кого-то? Ждет Зверя? Ну так не он один его ждет. Все, кому надо, жаждут с экзекутором увидаться.

– Список убийств вы тоже будете зачитывать наизусть? – поинтересовался Смольников, включая дымоуловитель.

– Как раз его не буду, – Николай Степанович побарабанил пальцами по папке на столе, – здесь распечатка.

– Позвольте ознакомиться.

Николай Степанович вытащил отпечатанный листок:

– Пожалуйста. Здесь имена, адреса, способ убийства. Думаю, разберетесь.

– Надеюсь, – Магистр чуть повернул лампу, надел очки и углубился в чтение.

Генерал откинулся на спинку кресла. Молча ждал. Смотрел в окно.

Там, снаружи, уже поздний вечер. Темно. Пахнет сиренью, но запах этот можно почувствовать, только отправившись на прогулку. Где взять время на подобную ерунду? А здесь настольная лампа освещает лишь стол с пластиной «секретаря», да самым краем касается световой круг человеческих лиц. Наверное, обычно в этом кабинете очень уютно. Тяжелая мебель, темные стены, высокие шкафы с книгами – все внушает покой и некое умиротворение.

Приятное место. Николай Степанович не возражал бы и свой кабинет обставить в таком же стиле. Если верить Смольникову, обстановку подбирал все тот же Зверь. И его же рукой выполнен портрет Магистра, что смотрит со стены. Смотрит внимательно. Мудро. Чуть устало.

Мастерская работа. Весин не разбирался в живописи, но этот портрет нравился ему, несмотря на то, что отношения с оригиналом не заладились с самого начала. Зверь, надо полагать, трепетно относится к своему наставнику, если сумел разглядеть в холодном, почти змеином взгляде Смольникова доброту и любовь.

Игорь Юрьевич отвлекся от чтения, потянулся стряхнуть пепел. Дымоуловитель явно не справлялся с задачами. Или Магистр издевается, зная, что Весин терпеть не может табачной вони?

Да, здесь было бы уютно, если бы не напряжение, что ощущалось почти физически. Казалось, стоит поднять что-нибудь металлическое, нож или вязальную спицу, тут же затрещат, разбрызгиваясь в воздухе, синие искры. Спице, впрочем, взяться неоткуда. Что до ножей, то на специальной подставке лежит странного вида кинжал, но он, кажется, каменный. Ритуальный, надо полагать. Дикость какая все-таки.

Смольников докурил. И почти тут же кивнул:

– Да вот же оно! Рылины, Вероника Романовна и Георгий Иосифович.

– Вы уверены? – уточнил генерал-майор.

– Абсолютно. Олег жил в соседней квартире. И способ убийства: у обоих сломаны шеи.

Мальчик любит иногда развлечься таким образом.

– Он у вас вообще ничего не боится?

Магистр слегка удивился. Покачал головой:

– Он, заметьте, знал, что исчезнет из города. И исчез. От того, что вы теперь в курсе, кто убийца, ничего не изменится.

Два трупa. Весин понял наконец, о чем говорил собеседник. Поверить – нет, не смог. В такое верить трудно. Но хотя бы понял – уже хорошо.

– Вы хотите сказать, – уточнил он на всякий случай, – что здесь получилось то самое... как вы это назвали?

– Не я – Олег. Он называл это «посмертный дар», – Игорь Юрьевич удовлетворенно хмыкнул, – да. Теперь мы с вами знаем, что две жизни у него в запасе были. Видимо, нашлась еще одна, как минимум одна, если святой отец утверждает, что убивал трижды.

– Бред какой-то. – Николай Степанович раздраженно выпрямился в кресле. Магистр окончательно свернул в область метафизики, теперь от него внятных объяснений не дожидаться. – Ладно, что, по-вашему, Зверь будет делать сейчас?

– Это зависит от того, сколько жизней у него осталось. Если ни одной – убивать.

– Значит, есть шанс вычислить его по убийствам за ближайшие несколько дней.

– Именно шанс, а не возможность.

– Это я, Игорь Юрьевич, понимаю и без ваших комментариев, – черт бы побрал всех сатанистов, особенно сумасшедших, – а если у него, как вы выражаетесь, «в запасе» есть другие... гм, жизни?

– Тогда он спрячется.

– И от вас тоже?

– А это будет зависеть от того, видел ли он осназ. – Смольников снял очки, убрал их в футляр и устало потер переносицу. – Если видел... сами понимаете, верить мне он больше не сможет.

– Мечь?

– Нет. Это не в духе Олега. Он, знаете ли, больше прагматик, чем романтик. Хотя, конечно, не лишен некоторого романтизма. Такого... весьма своеобразного.

– Сломанные шеи?

– Да. Что-то в этом роде.

– Вы уверены, что он не захочет отомстить?

– Абсолютно. Это один из немногих моментов, о которых я могу судить с полной уверенностью. Не так он воспитан.

– Лучше бы вы воспитывали его по-человечески.

Смольников положил локти на стол, оперся подбородком на руки и посмотрел на генерала с нескрываемой насмешкой:

– Вы так считаете? Но ведь тогда он не был бы Зверем. Вам кто нужен, Николай Степанович, сверхординарный экзекутор или цирковой гипнотизер?

– Он мне именно *нужен*, – сухо напомнил Весин, – он сам, а не рассказы о его неординарности. Если бы он пришел мстить, я знал хотя бы, где его ожидать.

– Именно поэтому мстить он не пойдет.

– Как он обычно прячется?

– Как угодно. – Насмешка исчезла, теперь в голосе Смольникова послышалось что-то вроде гордости. Так всегда бывало, когда Магистр начинал говорить о самом Звере, а не о том, как бы половчее изловить его. – Я ведь рассказывал вам. У Олега нет внешности, нет привычек, кроме привычки убивать, но уж с ней-то он как-нибудь справится, у него нет своей манеры поведения, нет голоса, нет даже своей походки. Он весь фальшив. Насквозь. Он может быть студентом, грузчиком, художником, инженером, богатым бездельником...

– Кстати, его банковские счета...

– Забудьте. При желании он сделает своим любой счет в любом банке.

– Слушайте, Магистр. – Весин понял, что еще немного – и он взорвется. Генерал-майор терпеть не мог тупости. Он не уставал от нее – он ее ненавидел. – Вы допускали в работе со Зверем преступную халатность, понимаете вы это?

– Нет, это вы слушайте, министр... – Смольников приподнялся, опираясь руками на стол. – Вы меня, конечно, взяли крепко, но если уж требовали моих советов, вам следовало бы и прислушиваться к тому, что я говорю. – Он упал обратно в кресло, раздраженно забарабил пальцами по столешнице. – Я с самого начала предупреждал вас, что Олега нельзя

заставить. Его можно купить. Он продается, понимаете? Заключает бессрочный контракт с правом разрыва его в любое удобное для себя время. Я предлагал вам договориться с ним. Это решило бы все проблемы. Зверь честен, пока ему платят. Так нет же, вам захотелось гарантий. Доказательств, которыми вы могли бы удерживать его на поводке. И что в итоге? Вы потеряли его. И я по вашей милости могу его потерять!

Он еще смеет предъявлять претензии...

– По моей милости, – процедил генерал, не столько разозлившись, сколько удивленный выходкой собеседника, – вы пока еще сидите в своем кабинете и пользуетесь теми благами цивилизации, которые недоступны простым смертным.

– Кретин! – взвыл Магистр, хватаясь за голову, – Господи, самодовольный, упертый кретин! Вы просто не в состоянии понять, что именно давал мне Олег. Блага цивилизации могут катиться ко всем чертям. Он, убивая, умел поделиться Силой! Силой! Это понятие вообще доступно вашему закаменевшему мозгу? Вы знаете, сколько мне лет?

– Представьте себе, – ничуть не впечатленный взрывом эмоций, Николай Степанович дотянулся через стол и забрал распечатку.

– И вы видите, на сколько я выгляжу?

– Значительно моложе. Да, я помню, что косметические операции здесь ни при чем, что молодость ваша – дело рук исключительно Зверя, я все это помню. – Весин терпеливо вздохнул. – Игорь Юрьевич, возьмите себя в руки и постарайтесь впредь выбирать выражения. Пока Зверь жив, он для нас не потерян. И чем меньше вы будете паниковать, тем раньше мы его разыщем и пригласим к сотрудничеству. Какие гарантии его устроят?

Магистр как ждал этого вопроса, ответил без раздумий, чуть мстительно и все еще раздраженно:

– Вам придется поучаствовать в одной из церемоний.

«Что?!»

Николай Степанович застыл с распечаткой в одной руке и полуоткрытой папкой в другой:

– В смысле, – он закрыл папку, так и не убрав туда бумагу, – я должен буду стать соучастником в ритуальном убийстве?

– Именно. Если вам понравится, Олег будет с вами работать.

Сама мысль о подобной нелепости должна была рассмешить. Не смешила почему-то. Генерал милиции, министр внутренних дел вместе с толпой одуревших от крови психов любитесь пытками и смертью. Бред. Никакой Зверь, кем бы он ни был, такого не стоит.

Или все-таки...

– А если мне не понравится?

Смольников пожал плечами:

– Там, знаете ли, выбирать не приходится. Те, кому не нравится, умирают тут же.

– Вы вообще понимаете, что сейчас сказали?

– Я понимаю, – Магистр на глазах обретал прежнюю уверенность, – вы сами отказались от возможности договориться с Олегом по-доброму. Теперь условия будут именно такими, уж вы мне поверьте. Между прочим, это даст вам те самые доказательства, за которыми вы охотились. Но и у Олега, сами понимаете, будет что рассказать о вас.

– Он ничего не сможет доказать.

«О чем ты вообще говоришь?! Ты ведь не собираешься...»

– В таком случае что вас смущает? – Смольников вновь улыбался. – Бойтесь умереть? Не бойтесь, вам церемония понравится. Вы из тех, кому не может не понравиться.

– Ладно, Игорь Юрьевич, это мы обговорим, когда Зверь найдется, – Николай Степанович покачал головой и все-таки убрал распечатку, – пока ваша задача регулярно выходить с ним на связь. Если он ответит – все в порядке. Если нет, что ж, будем искать. Я правильно

понимаю, что в армии, полиции и прочих силовых структурах с жесткой вертикальной системой нужно искать в последнюю очередь?

– Правильно. Олег скорее даст себя убить, чем будет выполнять приказы.

– Хоть какая-то конкретная информация. – Весин тяжело встал из кресла. Ну и вечерок – за неделю работы устает меньше. – Ладно уж, Игорь Юрьевич, спасибо и на том.

– Я дал вам массу конкретной информации!

– А я дал вам возможность жить долго и счастливо. Полагаю, мы квиты. До свидания.

Глава 4

Нехорошо многовластье: один да будет властитель.

Аристотель

Айрат оставил робота надраивать двухметровый участок плаца и подошел к Азату:
– Посмотри, это и есть Ландау?

Азат тоже отпустил своего робота. Прищурился, глянув в указанном направлении:

– К Тихому идет. Айда, пошли послушаем.

Дежурный офицер посматривал в окно. Группа, присланная вчера с Земли, из российских учебных частей, исправно чистила плац. Курсант Ландау и пара его «ординарцев» уже затеяли разговор с одним из трех новоприбывших русских. Что ж, этого следовало ожидать: Ландау очень ревниво относится к своему лидерству, и первым делом он должен был объяснить новичкам, кто хозяин в лагере.

В обычные обязанности дежурных вменялось пресечение конфликтов между новобранцами, но это подразделение было экспериментальным, и вмешательство должно было сводиться к минимуму. До тех пор, пока курсанты не начнут друг друга калечить, им предоставлялась полная свобода в установлении взаимоотношений.

– Ты, косоглазый, – Отто Ландау с ног до головы оглядел Азамата, – сгоняй на кухню за водой. Одна нога здесь, другая – там. Пошел!

– А ты кто? – миролюбиво спросил Азамат, останавливая своего робота. Глаза у него были большие, чуть наивные. Он и спрашивал-то исключительно из-за непонимания ситуации. – Мне сказали плац чистить. Офицер сказал. Ты ведь не офицер.

Курсанты сдержанно усмехнулись.

– Ты не понял, косоглазый. – Тон Ландау стал холоднее. – Я говорю – ты делаешь. И не пахнешь без разрешения.

Он сам понять не успел, как случилось, что одна его рука поднята вверх и чьи-то жесткие пальцы отгибают мизинец. Больно было. Тонкие косточки ощутимо похрустывали, до звона натянулись сухожилия:

– Слушай, белый человек, – вежливо сказали откуда-то снизу, – пальцев у тебя всего десять, так что сейчас ты отваливаешь отсюда, ведешь себя хорошо – и мы живем мирно.

На лице Азамата было написано искреннее изумление. Старший курсант Ландау приподнялся на цыпочки от боли, замер, боясь пошевелиться.

– Иди, – сказал голос снизу. И боль отпустила. – Еще раз рыпнешься, я тебе не только пальцы переломаяю. Трех танкистов еще никто не задевал, и тебе первым не быть.

– Ты бы не наглел, косоглазый, – пробормотал Ландау, потирая ноющий мизинец.

Сейчас он видел того, кто провел безотказный болевой захват. Большой, широкий парень. Один из трех прибывших вчера татар. Действительно большой и действительно широкий. Как так вышло, что эти трое оказались на базе всего через три месяца службы в учебке? Чем они так хороши?

Чем они лучше?

* * *

– Ты, Тихий, что, безрукий? – сердито спросил Айрат у задумчивого Азамата. – Почему сам так не сделал?

– Я не понял, – честно признался парень. – Он говорит, сходи за водой. Я смотрю, вроде не офицер. Ну и спросил. А ему, видишь, не понравилось.

– Тебе про Ландау мало рассказывали? – рыкнул Айрат.

– Да кто ж их здесь поймет, – Азамат нахмурился, – ладно, спасибо. Главное, чтобы у нас из-за этого неприятностей не было.

– Не будет! – подоспевший Азат махнул рукой. – Формально мы правы. Ландау здесь официальный нацик, а мы будем оппозицией.

– Ага. «Три танкиста», – скептически пробормотал Азамат.

– Между прочим, у нас в личных делах так и написано. У всех. Мы трое – единственные, кто на армейку с правами четырех стихий пришел.

– А ты откуда знаешь?

– Я много чего знаю, – Азат подмигнул, – я обаятельный и любопытный. В сочетании страшная получается вещь.

Дежурный офицер погасил окурок в медной пепельнице и снова склонился над бумагами. «Три танкиста», как и предсказывалось, проявили себя с лучшей стороны. Надо будет отметить в рапорте, что практика совместной службы курсантов, связанных родственными или дружескими отношениями, совсем не так порочна, как принято думать. Во всяком случае, для данного рода войск.

Это была перспективная группа. Перспективная и экспериментальная. Колонизация планет вообще не сахар, но Раптор обещал стать чем-то особенным. Так что готовились соответственно. Неизвестно, в чью светлую голову пришла мысль собрать в одной роте всех новобранцев с высшим образованием, но идея такая появилась и начала воплощаться.

Разумеется, таинственная светлая голова обретет имя сразу, как только окажется, что бойцы экспериментальной роты действительно работают с большей эффективностью и отдачей. Если это случится. Если нет... ну нет так нет. А если вдруг окажется, что межнациональные конфликты, усугубленные образованием, порождают внутри подразделения не здоровую конкуренцию, а исключительно мордобой с последующей госпитализацией, роту расформируют. Еще один провалившийся эксперимент – ничего особенного. В армии постоянно кто-нибудь с чем-нибудь экспериментирует.

Пока же наблюдали.

Противостояние стало очевидным меньше чем за неделю. Группа Ландау и «три танкиста». Девяносто человек курсантов заняли ту или иную сторону, разделившись примерно поровну. Странно, но к Ландау примкнуло большинство новобранцев из России, хотя, казалось бы, они должны поддержать земляков. Лагерь-база № 1 Объединенных военно-космических сил на планете Вероника был настолько далек от Земли, что даже определение «суперэтнос» казалось недостаточным. Земляками могли считаться люди с одного континента, не говоря уже об одной стране.

И тем не менее русские татар не любили, относясь к «танкистам» с великолепным пренебрежением, которое было бы оправданно, не окажись те единственными в нынешнем наборе курсантами, досрочно закончившими учебную часть. Впрочем, трое в одной роте – это очень много.

«Больше, чем нужно», – мрачно делились впечатлениями инструктора. А таинственная светлая голова получала все больше шансов обнародовать свое имя. Потому что конкуренция, здоровая и не очень, имела место быть.

Ландау управлялся со своим окружением почище старого сержанта. Он лидировал по всем показателям, силой дотягивая остальных до собственного уровня. «Танкисты» разделили обязанности лидера на троих. И не уступали. Соревнование шло с переменным успехом. Соревнование во всем. До отбоя работали вместе, вежливо улыбались друг другу, после – мордовали друг друга в туалетах и устраивали «темные» в казармах. Обычное дело. Где-то в таинственном «наверху» рапорты из лагеря № 1 сравнивали с отчетами из других лагерей подготовки.

Делали какие-то выводы. И неизменно приказывали продолжать эксперимент. Надо думать, что-то все-таки получалось.

Май 1996. Казахстан

От идеи поехать на Балхаш Зина была не в восторге. Собирались-то в горы, на Иссык-Куль. Хотели устроить себе полноценный отдых – полазать по скалам, покупаться, позагорать вволю. А вместо этого поперлись зачем-то в степь. К заросшей камышами илистой луже.

Это все Глюк. Свихнулся на своей биологии. «Уникальное озеро! Тугай! Вода соленая, вода пресная, одной рыбы тыщца видов...»

Ну приехали. И что? Лужа как лужа, большая только. В тугаях – это камыши так называются – кабаны бродят. По ночам орет кто-то ужасным голосом. Глюк сказал, что это лягушки орут. Ага! Как же! Так ему и поверили.

Парням-то что? Они как поняли, что здесь рыбачить можно, так лодку надули, удочки разобрали – и на весь белый свет им плевать.

Олька с Гулей вообще довольны. Они обе здешние, в смысле в степном каком-то городишке выросли, им на Балхаш съездить – все равно что на родине побывать.

В общем, всем хорошо, одной Зине плохо. И никому это не интересно. Даже Игорю. Кто бы мог подумать, что он окажется таким эгоистом?

На четвертую ночь, когда «лягушки» орали особенно громко, Зина устроила Игорю скандал. Шепотом. Потому что в соседних палатках все уже спали. Ругаться шепотом было как-то не очень интересно. Оба чувствовали себя глупо. Поэтому, поорав друг на друга с полчаса, успокоились и пошли купаться. В конце концов, пляж здесь был очень неплохой.

И первый выстрел услышали, когда были довольно далеко от берега.

А потом в лагере началось что-то непонятное.

Костер погас, и в темноте, с воды, было не разглядеть, что происходит. Но выстрелы грохали один за другим. Кто-то кричал. Метнулся по палаткам, по воде, ослепил на секунду и исчез яркий луч фонарика. Взревел было мотор Мишкиной тачки, но заглох.

Игорь уже плыл к берегу, и Зина поспешила следом, кричала:

– Подожди! Да подожди ты! Игорь, не надо туда. Не надо. Ты что, не видишь?..

Он молчал. Греб быстро и сильно, расстояние между ними все увеличивалось. Зина безнадежно отстала и почти перестала барахтаться, просто болталась в воде и боялась. Очень боялась.

Выстрелы смолкли. Крики тоже затихли.

Пляж обрывался довольно резко, уже метрах в пяти от берега было глубоко. Зина видела, как Игорь выметнулся из воды – его светлая кожа показалась мертвенно-белой. Он побежал к лагерю, шумно, с брызгами... Не добежал. С берега прыгнула чья-то тень. Игорь присел, что-то сделал, и ночь над озером снова закричала. Точнее, завизжала, тоненько, по-собачьи. Но все новые и новые смазанные силуэты бросались в воду. Игорь качнулся. Отступил на шаг. Еще на шаг. Потом упал.

Зина слышала громкий рык и редкие взлаивания, слышала, как плещется вода, может быть, слышала крик Игоря, а может быть, кричала сама.

Нет. Она не кричала. Если бы она издала хоть один звук, *это*, на берегу, заметило бы ее. А так...

Звери, собаки или волки, что-то делали с Игорем. Наверное, они его ели. Но не долго. Как по команде, подняли вдруг головы, прислушались к чему-то, и начали выбираться из воды. На берегу они отряхивались... *собаки, наверное, это все-таки собаки...* а потом, один за другим, убегали в темноту.

Зина пришла в себя около кострища. Она сидела на перевернутом ведре, дрожала от холода и плакала. Надо было идти к машине. Надо было уезжать отсюда. Но при мысли о том, что ключи где-то у Мишки, а сам Мишка... Зина видела его мельком... лежит рядом со своей поваленной палаткой, и лица у него нет, а вместо шеи – кровь и какие-то скользкие на вид трубочки...

Зина плакала.

Может быть, днем? Днем будет не так страшно.

Увидев совсем рядом, шагах в пяти от себя, два желтых огонька, она попробовала закричать. Но смогла лишь захрипеть тихо и беспомощно.

– Не плачь, – ласково сказал волк, – пойдем со мной.

И поднялся на ноги.

Человек. Господи, человек, а не волк! Просто он сидел на земле и смотрел на нее, уткнувшись подбородком в колени.

Зина разрыдалась, громко, с облегчением, и кинулась на шею к незнакомцу.

Человек! Живой человек. Не волк!

– Пойдем со мной, – повторил он, обнимая ее, – все будет хорошо.

И она поверила. И пошла рядом, держась за его руку. А волки скользили вокруг, бесшумные, страшные, иногда подбегали совсем близко. Но не трогали.

Не трогали.

Рассвет застал их уже в степи. Когда небо стало светлым, Он сказал:

– Отдыхаем.

И Зина как шла, так и села, прямо на пыльную траву. Где-то рядом журчал ручей. Маленький ручеек из тех, что очень скоро высохнут, умрут до следующей весны. Один из волков бросил к Его ногам какого-то мертвого зверька. Суслика, наверное, или сурка – Зина не знала. Глюк мог бы сказать точно.

Она вспомнила Глюка и опять хотела заплакать. Но почему-то не стала. Смотрела, как Он распарывает зверьку пушистое брюшко. Сдирает шкуру.

Руки в крови.

– Ешь.

Сырое мясо? Зина нерешительно смотрела на сочащийся кровью кусок, на торчащую из него розоватую кость. Разве это можно есть?

Он пожал плечами, но уговаривать не стал.

Волков было очень много. Кажется, они заполнили всю степь от горизонта до горизонта. И они уже не бегали вокруг – они тоже устраивались на отдых. Сразу пятеро огромных, мохнатых, пыльных подошли совсем близко. Улеглись вокруг Него.

Зина в первый раз увидела, как Он улыбнулся.

И судорожно вздохнула. За человеком, который умел *так* улыбаться, она пошла бы куда угодно. На край света. И пусть следом бегут волки, пусть хоть тигры идут – все равно.

– Кто ты? – спросила она.

Волки, услышав чужой голос, насторожили уши. Один зарычал. Но Он шепнул: «Тише, дети, тише». Поднял на нее глаза. Черные. Зрачки были вертикальными, но Зина не испугалась. Она не могла бояться Его.

– Ночью, – сказал Он, – а пока спи.

И Зина послушно заснула. Ей снилась Его улыбка.

А потом была ночь. Совсем другая, чем вчера. Было низкое небо, звезды у самой земли, был волчий вой. И был Он. Не человек. И не волк. Оборотень. Демон. Бог.

Они любили друг друга, и Зина кричала от счастья, и ночь вздохами эха повторяла ее крик.

А волки выли на звезды.

– Я люблю тебя! – хрипло прошептала она. Впервые в жизни произнесла эти слова искренне. Впервые в жизни сама поверила в них.

– Конечно. – Он улыбнулся. Совсем-совсем близко Его странные, прекрасные, нечеловеческие глаза. И белый, тускловатый блик на лезвии ножа. – Конечно.

Зина кричала еще долго. Очень долго. И волки слизывали ее кровь, растаскивали по земле внутренности, самый проворный в прыжке поймал сердце.

Это было последнее, что увидела Зина. Потом Он выколол ей глаза.

* * *

Отто Ландау привык быть лучшим. И отвыкнуть не собирался. Тем более неприятным оказалось узнать, что в лагерь прислали трех новичков, сумевших то, что у него так и не получилось.

Они закончили учебную часть досрочно. За три месяца вместо положенных пятнадцати. И ладно бы люди были, а то ведь – татары. Монголоиды. Невразумительное творение господ.

Если уж неприятности случаются, то от всей души, не мелочась и не пренебрегая деталями.

К самим татарам Отто неприязни не испытывал. В смысле с каждым из них по отдельности он вполне мог работать. Или общаться в свободное от работы время. Нормальные парни.

С Хайруллиным есть о чем поспорить – он журналист, профессиональный дилетант, с легкостью поддерживает разговор на любую тему и великолепно умеет делать вид, что понимает, о чем идет речь.

Из Галиуллина собеседник никакой, зато в работе напарника лучше не найти. Да и в бою Отто предпочел бы знать, что здоровенный плосколицый татарин где-нибудь поблизости. До настоящих боев, правда, еще не доходило, но в учебных Галиуллин стоил дорогого.

Рахматуллин – единственный, о ком трудно что-то сказать. Не только из этих троих единственный, а вообще в роте. Тихий он. Его так и зовут: Тихий. Говорят, со школы еще. Впрочем, водитель из него неплохой.

Дерьмо! Наверняка ведь, если бы не права четырех стихий, торчать косоглазым в учебной части положенные пятнадцать месяцев. Ничего больше у них за душой нет. Ну высшие образования еще. Однако таких в роте без малого четверть, а вот хороших водил ощутимо не хватает.

Четыре стихии – это серьезно: земля, вода, небо и космос. Конечно, речь не идет об управлении настоящими кораблями, но малые катера, посадочные модули, всякого рода вертолеты и грузовые болиды – запросто. В голове не укладывается, что в России этому учат детей. Школьников. Не укладывается, но вот они, недавние школьники.

Все русские – психи. Однако досадно, что в германских детских клубах по подготовке космического десанта программа исчерпывается землей и водой. Можно подумать, подростки лет в двенадцать не гоняют на отцовских болидах. Те подростки, у родителей которых есть болиды, разумеется.

А в учебных частях основной упор делают именно на управление техникой. Воздух и космос – пятнадцать месяцев воздуха и космоса. Немножко идеологии, физическая подготовка и полеты.

Обидно, в общем. Отто прекрасно знал, что, так же как и татары, мог закончить учебку досрочно. Отметка «харизма» в личном деле. Таких, как он, один на тысячу. Если бы не придирки сержанта... Кто-то с большим чувством юмора засунул Отто Ландау, ультраправого потомка трех поколений ультраправых, под командование черномазого инструктора. В том, что черный именно придирился, Отто не испытывал сомнений, хотя бы потому, что слышал

однажды, как тот в приватной беседе заявил: «Я этого нациста вообще из армии вышибу. Вместе с его «харизмой».

Не вышиб. Но промурыжил полные пятнадцать месяцев, за время которых не раз вставал вопрос и об увольнении инструктора, и об отчислении курсанта. Вопрос так и не разрешился. Оба нужны были, каждый на своем месте. А ведь Ландау не был нацистом. Он и ультраправым-то, по большому счету, не был. Традиционно придерживался семейных правил, чтобы не сердить пожилого отца, не нервировать маму... Ну и потому что любому здравомыслящему человеку ясно: мир создан для белой расы. Именно белые люди, стремительные, неукротимые, удачливые, настоящие дети рыси с блестящими глазами, острыми зубами и хорошим аппетитом, в конечном итоге захватили Землю и уже протянули свои руки к другим планетам, бесконечно удаленным от хрупкой человеческой колыбели.

Насчет блестящих глаз и острых зубов – это были типично отцовские рассуждения. Что взять со старика? Он еще Вторую мировую помнил.

А в галерее имен героев-десантников были не только белые, факт есть факт, и с ним нужно считаться. Но почему? Почему азиаты?!

Не в том даже дело, что они оказались лучше. А в том, что – слабое звено. Не все, к сожалению, способны понять это сразу. В том, что троим новичкам в самом ближайшем будущем предстоит стать сержантами, Отто не сомневался. Сержанты. Возможно, командиры взводов...

Нельзя так. Потому что нельзя доверять азиатам человеческие жизни. У них другая система ценностей, другой менталитет. Первый же реальный бой докажет это, но тогда будет уже поздно.

А что делать? Земля свихнулась на идее всеобщего равенства. Женщины служат в космических войсках со времен начала освоения космоса. Командирами, полковниками, даже генералами становятся чернокожие, желтые, вообще люди какой-то невнятной расцветки – это тоже нормально. Что будет дальше? В ОВКС допустят инвалидов? Уродов? Слабоумных?

К этому все идет.

«Вы когда-то разинули пасть на кусочек Европы и подавились даже той крохой, которую смогли откусить, – насмешливо-утешающий голос Хайруллина, – а мы, мы создали империю, которая была больше *всей* Европы, мы покорили Азию, мы пришли к стенам ваших городов, как бешеный ветер ворвались в ваши дома, где вы, жирные, трусливые, отождравшиеся сурки, надеялись спрятаться от наших мечей и нашей свободы».

Отто даже не пытался спорить в таком ключе, потому что здесь не правы были оба. Татары происходили из болгар и лишь примазывались к монгольским завоеваниям, а Отто Ландау причастен был к поражению Третьего Рейха лишь постольку, поскольку его дед воевал во Второй мировой. Находились другие темы и другая почва для стычек, когда на словах, в дискуссионном клубе, когда на кулаках, в темноте спящей казармы. Но это все – баловство. Игрушки. Тренировочный лагерь – это детский сад с экстремальными условиями. Где-то сверху бдительные воспитатели, которые внимательно следят за происходящим в песочнице. А на Рапторе вся рота, все девяносто человек окажутся в окружении реальных опасностей. Там они будут зависеть друг от друга. И как поведут себя в тех условиях татары, евреи, китайцы, негры? Непонятные, ненадежные, неполноценные...

Из них получают хорошие подчиненные. Вот пускай бы они подчиненными и оставались. Но это вряд ли. Кроме себя, Отто не видел больше кандидатур на роль командира. Среди белых не видел. Зато Галиуллин – готовый комвзвода. И Хайруллин вполне способен справиться с этой ролью. С виду способен. Тихий – тряпка, хоть за него можно не беспокоиться.

Когда пришел приказ отправляться на Весту, Ландау даже обрадовался. Наконец-то! Теория превращается в практику, спор – в бой. Так или иначе, на Весте все разрешится.

Должно разрешиться, потому что запутываться дальше просто некуда.

* * *

– Быстро! Быстро!

Вертолеты садились с тяжелым, грузным изяществом.

– Вит! Вит!

Люди в тяжелой броне высыпались из люков.

– Шнелль!

Спешили. Даже без подстегивающих криков спешили. На тренировках казалось, что высадка – это очень сложно, но вот дошло до дела...

– Айда, айда, айда!

... и все получается как будто само. Но задуматься об этом некогда.

Их не бросили в бой сразу. Сначала были инструктажи – на борту транспортника, в главном штабе обороны, непосредственно на месте событий. Много слов, масса рекомендаций, ни одного внятного объяснения, что же происходит. В общем, ничего нового к информации, полученной еще на Веронике, не добавилось.

Слова наконец закончились. Дело началось.

Веста как будто сошла с ума. Точнее, животные на Весте как будто рехнулись. Не на всей планете, конечно, только на юге одного из континентов, но это уже много. Стада, табуны и стаи неслись с запада на восток, ничего перед собой не видя, не разбирая дороги. Если раньше здешние звери боялись людей, сейчас они об этом забыли. Или начали бояться чего-то, по сравнению с чем люди не стоили внимания. Наблюдатели докладывали, что животные двигаются, пока не падают мертвыми. Не останавливаясь ни для еды, ни для питья, ни для отдыха. Причину миграций еще предстояло выяснить, а вот остановить лавину следовало уже сейчас. Остановить. Или хотя бы развернуть. Или, если и это не получится, просто перебить всех, кто угрожает безопасности человеческих поселений.

Вместо Раптора, или предваряя Раптор, курсантов лагеря № 1 отправили на Весту, в едва-едва затронутые людьми джунгли. Работайте, парни. Тренируйтесь.

Работали. Делали чему учили. И неплохо делали, надо сказать. За две недели защитили и помогли надежно укрепить пять поселков. А потом пришел панический вопль о помощи:

– Голообезьяны!

И, как в кино, тут же связь прервалась. Ничего киношного тут и близко не было, просто голообезьяны одним своим присутствием создавали помехи и выводили из строя любую электронику. Ну, кроме разве что особо защищенных каналов для связи с космосом. А еще они были невидимыми. Лишь слабо светились в темноте. А еще они умели генерировать электрические разряды, недостаточно мощные, чтобы повредить солдату в тяжелой броне, но разрядов этих хватало иногда, чтобы вывести броню из строя. А кроме всего прочего, голообезьяны были вооружены зубами и когтями. Да и вообще, естественный враг у них на Весте был всего один – какая-то порода ядовитых змей.

Выслушав все это по пути к месту высадки, Азат, который змей терпеть не мог, заявил, что готов теперь поколебаться в своих убеждениях. На что обычно незаметный Тихий мурлыкнул из своего угла:

– Змеи тоже мигрируют. Пообщаетесь.

И вот, как учились, сразу с вертолета в бой.

– С корабля на бал! – орал Азат, скрывая за бравадой страх.

– Айда, айда! – покрикивал Айрат, подгоняя бойцов своего отделения.

– Шнелль! – блажил где-то неподалеку Ландау.

Высадились. Рассыпались. Стрелять начали раньше, чем разглядели – в кого же. Услышали команду и открыли огонь. Все правильно. Так и надо.

Иногда голообезьян было видно. Чаше – нет. Датчики сходили с ума. Деревья и кусты, уцелевшие после предыдущих обстрелов, горели, и на фоне пляшущего огня полупрозрачные животные просто терялись.

Стреляли. Наугад. В пустоту. Полосовали воздух лучами бледного пламени, в котором при удачном попадании очерчивались на несколько секунд корчащиеся призрачные тела.

Никто не понял, как вышло, что первым вышел из строя капитан. Просто координаты стрельбы вдруг перестали поступать. Ненадолго. Ландау, яростно выругавшись, заорал не своим голосом:

– Рота, слушай мою команду! Огонь!

И снова глухо загукали винтовки, как будто и не случилось ничего.

Случилось. Еще как случилось. Волна голообезьян наконец-то докатилась до позиций.

Азат молился только о том, чтобы уцелела мини-камера, намертво закрепленная на каске. Снять все это, весь этот ад! О себе не думал, главное, чтобы получились хорошие кадры, чтобы не он сам, так кто-нибудь другой смог сделать из этого...

– Ах, шайтан! Отходим!

Айратка рванул за плечо:

– Отходим, мать-перемать, оглох?!

Отступали. К поселку. Почти бежали. Сзади накатывалась лавина, сейчас животных уже было видно, в них стреляли – отделение Лонга, Эжена Шраде, прикрывало отступление. Как уж там вышло, что под командованием Лонга оказалось не пять человек, а двадцать – с этим можно разобраться потом. А пока – бежать! Бежать!

И снимать.

На удивление спокойный Тихий. Остановился вдруг. Замер, нюхая воздух.

Он что, с ума сошел?

Яростно матерящийся Айрат. Кадры эти оставить, а вот звук придется убирать.

– Окружили... – задыхающийся голос Лонга.

Шайтан! Только этого не доставало. Их же там двадцать всего! А Ландау, Фюрер проклятый, он же ради Лонга не почешется. Лонг. Еврей... Нужно успеть снять, что там происходит. И бежать. Бежать!

Отто Ландау во главе десятка бойцов поливал огнем тварей, заседавших на аррьергард. Он расчистил дорогу, прошел по горящим трупам, добрался до Лонга. Вдвоем, немец и еврей, они расстреливали врага, давая раненым время убраться подальше.

А куда?

В поселок, куда больше-то?!

И тут неожиданно ожил Тихий. Все время, пока Лонг вырывался из окружения, он стоял словно оцепенев. И вдруг зашевелился. Перехватил пробежавшего мимо Фюрера, что-то сказал ему. Не по связи. Так. Прямо в морду.

Азат не видел лица Азамата, зато он видел, какие глаза стали у Отто. Бешеные. А потом... пустые такие. Невыразительные.

– Стоять! – крикнул Фюрер. – Прекратить отступление.

Как бежали, так и попадали. Привыкли слушаться. За несколько минут боя привыкли. Приказы рядового выполняются беспрекословно даже двумя лейтенантами. И стало понятно, почему отступать нельзя. Со стороны поселка

«интересно, оттуда уже эвакуировали население?»

катилась тускло мерцающая волна.

«Ну попали», – обреченно констатировал Азат. Оставалось надеяться, что камера все-таки уцелеет. Если только электроразряды ее не повредят.

«Ты и в самом деле в это веришь?»

– Огонь!

А толку-то? Всех не перебить. Ну почему, почему поселки колонистов нельзя заливать напалмом?!

Словно ища поддержки, Азат оглянулся на Айрата. Тот сверкнул глазами из-под каски: – Отобьемся.

Азат кивнул. Хороший кадр. Бросил взгляд на Тихого. Тот стрелял не целясь, не особо, кажется, заботясь о том, чтобы попадать. Бледный был, как... как плесень на хлебе. Белый такой, с зеленью.

Бойтся?

Надо полагать. Тут кто хочешь испугается. Хотя Айрат ничего, держится. А Фюрер?

А Фюрер заседал на Кинга, колдовавшего со своей рацией. Понятно, пытаются сквозь помехи пробиться, помощь вызвать. Дохлак. Такой дохлак, что даже не танцует.

Азат вновь обернулся к Тихому. Как он? Тихого беречь надо, он, блин, гений, человечество не простит, ежели что случится. А случиться с безответным Азаматкой может все, что...

У безответного Тихого взгляд был совершенно сумасшедший. В дырах зрачков плескалась огненная лава, вот-вот хлынет через край.

Тихий улыбался.

Себе.

– Есть! – торжествующе заорал Кинг. – Связь!

И забубнил что-то, адресуясь уже радисту в центральном штабе обороны. Фюрер, сверкнув зубами в счастливом оскале, хлопнул огромного негра по спине...

Азат порадовался количеству отличных кадров.

– Отто, – крикнул Лонг, прекратив стрельбу, – они... смотри!

«Они» – голообезьяны. И ясно стало, на что нужно смотреть. «Они» уходили. Нет, не уходили – отступали. Передние ряды сдали назад, а следующие набегали на них, забирались на головы, скатывались вниз и, словно обжегшись о вспаханную выстрелами землю, спешили спрятаться в толпе. «Они» останавливались. Остановились. Сели широким кругом, как будто не могли переступить им одним известную границу. Видимыми стали. Большеглазые и большеухие, пушистые. Белая-белая, слабо искрящаяся шерсть походила на длинный пух.

И выстрелы смолкли.

– Огонь! – скомандовал Фюрер после паузы.

Тихий начал стрелять первым.

Из воспоминаний. Смольников

Впечатления раннего детства накладывают отпечаток на всю последующую жизнь. По крайней мере, так принято думать. Собственно, это соответствует действительности, если в психику человека не вносятся коррективы.

Олег и в этом смысле очень интересный экземпляр. Его детство до шести лет прошло в условиях по-своему экстремальных – цирковая семья, что вы хотите? Постоянные разъезды, специфический коллектив, да и отношения в этом коллективе... оставляют желать лучшего. Дети видят и запоминают больше, чем взрослые, а вот трактуют увиденное очень по-своему.

Но речь не о том, какую роль в развитии и воспитании моего мальчика сыграл цирк или как сказалась на нем известность его знаменитых родителей. Сейчас мне хотелось бы осветить взаимоотношения Олега с животными. Да, так и вынести в заголовок: «Зверь и звери».

Какие могут быть отношения? Ну, знаете... самые разные. Кто-то, например, собак не любит. А кто-то мышей боится. Разумеется, будучи сыном одного из величайших дрессировщиков нашего времени, Олег научился не бояться вообще никого, от банальной домашней кошки до какого-нибудь экзотического утконоса. Хотя да, собак он не любит. Я бы сказал, он ими брезгует. Нет-нет, его никогда не кусали. Ни одно животное никогда не тронет моего

мальчика. Вы удивлены? Я тоже был удивлен, когда понял. К тому моменту я еще не научился удивляться, доказательства невозможного еще не хлынули потоком, в котором я, надо сказать, довольно быстро захлебнулся и в конце концов просто начал как должное принимать все, что происходило. Опять отвлекаюсь. М-да. Дело в том, что Олег... и, думаю, в подобном же свойстве крылся секрет успеха его отца, Олег может приказывать животным. Это не выглядит как команда, которую отдают, скажем, дрессированной собаке. Все происходит молча и, если животное не боится или не настроено враждебно, то очень легко. Я бы сказал, по обоюдному согласию.

Птицы, белки, всякие там лебеди, которые живут в парках и привыкли к людям – это ерунда. Олег однажды у меня на глазах заставил барсука выйти навстречу волчице. Барсука! Вам это говорит о чем-нибудь? Нет? Так вот, я вас уверяю, что более пугливого зверя в наших краях не водится. Нас барсук не боялся. Совсем. Подошел, знаете ли, вплотную, пофыркал так, обнюхал... Довольно милое создание, но несколько грязное. Олег погладил его. Потом посмотрел куда-то вглубь леса, и оттуда вышла волчица с двумя щенками. А барсук, вместо того чтобы убежать, отправился к этой семейке. Вообще, должен заметить, что волку нужно сильно оголодать, чтобы рискнуть связаться с барсуком. Но в нашем случае тот подошел к волчице и без сопротивления позволил задушить себя.

Ага! Вы поняли наконец-то. Если отец Олега обладал хотя бы десятой долей способностей, доставшихся сыну, неудивительно, что ему удавалось ставить совершенно невозможные номера с самыми экзотическими животными.

Я потом спросил у мальчика, зачем он так поступил. И, кажется, тогда в первый раз услышал:

– Потому что вы мне не верили.

Знаете, как-то даже приятно. Олежку очень задевает мое недоверие, мое сомнение в его способностях сделать что-то, особенно если речь идет о принципиально невозможных вещах. Для мальчика важно мое мнение. Это вполне объяснимо, конечно, ведь никого, кроме меня, у него нет, и тем не менее... Любому педагогу приятно видеть, что его усилия приносят плоды.

Как я понял, количество особей имеет значение лишь в том случае, когда речь идет о стайных животных. Стая, расположенная выполнить приказ, скажем, если ей приказано явиться куда-то и что-то съесть, еще и добавляет Олегу сил. Если же приказ неприятен... мальчик говорит, что очень тяжело заставлять диких животных пересекать, например, шоссе, в этом случае, конечно, приходится напрячься. Я спрашивал о предельном количестве, которое можно взять под контроль. Олежка не понял. Сказал, что контролировать нужно людей, а животных достаточно попросить или заставить. Что же до того, скольким он может приказывать... он не знал. То есть ему еще не случалось дойти до предела.

Приказывать Олежка умеет только теплокровным. Но, знаете, змеи обожают его. Змеи и пауки. Мальчик утверждает, что это потому, что он умеет правильно вести себя. Говорит, у меня тоже получится, если постараться. Не знаю. Я ни разу не рискнул проверить. Не люблю... Ползают, извиваются, блестят. Нет. Слишком уж не мое. А Олег, он даже двигается... трудно сформулировать так, чтобы вы поняли, что я имею в виду. Очень плавно и мягко. Грациозно. И стремительно. Пока я не запретил ему вспоминать о родителях, мальчик рассказывал, что отец и мать советовали ему учиться у животных тому, как нужно себя вести. В том числе, видимо, и как нужно двигаться. Он научился. Он вообще очень способный ученик.

Правда, сейчас Олегу уже не нравятся маски. Воспитание – это палка о двух концах. Я пытался внушить моему мальчику, что он стоит *над* людьми. Казалось бы, чего проще – принять на веру собственное превосходство. Нет, не получилось. «Над» не получилось, зато получилось «вне». И теперь ему противно притворяться человеком. Если раньше Олежка воспринимал свои перевоплощения как забавную игру, сейчас ему кажется, что, надевая очередную личину, он... надевает чужую грязную одежду. И, опять же, я остался единственным, с кем

он может общаться без притворства, оставаясь самим собой. Не буду скрывать, чем дальше, тем больше то, во что превращается Олег, начинает меня пугать. Но, с другой стороны, ведь я сам делаю это с ним. Я поставил себе цель и иду к ней, ваяю из драгоценного мрамора скульптуру, которая стоит в тысячи раз дороже, чем камень. Захватывающий эксперимент! Хочется верить, что процесс не выйдет из-под контроля.

* * *

Пендель сидел на койке и старательно сочинял письмо домой. В смысле на Землю. В общем, девушке он письмо сочинял. Леночке своей.

Сочинялось плохо. В голову лезла всякая романтическая чушь, но чушью этой были полны все предыдущие письма, и хотелось уже рассказать Ленке, что такое на самом деле служба десантника.

Хотя, конечно, служба как таковая еще не начиналась.

Но ведь можно было считать службой короткую двухнедельную командировку на Весту. Туда отправили роту, а вернулось неповрежденными лишь пятеро курсантов.

Пенделя переполняло что-то похожее на гордость. Одним из пятерых был он. А еще, разумеется, Тихий с Пижоном. Четвертый – Женька Шраде по прозвищу Лонг. А пятый – Фюрер. Отто Ландау, чтоб ему пусто было. Свихнувшийся на чистоте своей крови немец, собака синяя, вытащил потомственного еврея Шраде, едва не потеряв собственную голову. В итоге целы остались оба, хотя с тем же успехом оба могли бы погибнуть. Фюрер получил благодарность и был назначен командиром взвода. Произведен в сержанты, также, впрочем, как сам Пендель и Тихий и Пижон.

Положа руку на сердце, звание свое он заслужил, и следовало бы за него порадоваться, но не получалось.

Пендель постукивал пальцами по клавиатуре «секретаря».

Что написать?

Что присвоили звание сержанта? Так уже! Сразу после «Здравствуй, Леночек». Ох, до чего же все письма из армии похожи одно на другое!

Рассказать, как отстреливали голообезьян?

Но Ленка видела их только в зоопарке, там они симпатичные, пушистые, со светящейся шерсткой. И хоть написано на вольерах: «Осторожно. Хищник», верится в это с трудом...

Вообще, не хочется вспоминать. Пушистые. Симпатичные. Шерсть белая. Ведь они остановились. Они просто сидели и смотрели своими глазищами. А в них стреляли. Зачем стреляли-то? Если бы Фюрер не скомандовал, если бы Тихий не начал первым... А, да что сейчас уж?

Азат сидел на соседней койке, поглядывал на мучения Айрата и знай надраивал и без того сияющие ботинки. Он был очень щепетилен во всем, что касалось внешнего вида, и нелестным прозвищем «Пижон», похоже, гордился. Это раздражало. Азата даже бить пытались за постоянную щеголеватость.

Куда там!

Пендель был начеку и вразумлял буянов по-своему, а если не хватало его, к делу подключался даже незаметный обычно Тихий.

– Ну чего ты маешься?! – не выдержал Пижон. – Первый раз, что ли, письмо пишешь?

– Да все не то получается. – Пендель столкнул «секретаря» с колен на койку. – Достало уже писать, как я по ней скучаю и что скоро у меня будет отпуск. Ленка и так это знает. Хочу про службу написать. Но чтобы ей не скучно было.

– Напиши, что нам сержантов дали.

– Ты такой умный. Хочешь, я тебя пну?

– За что?

– За все, – хмуро буркнул Пендель. – Я про Весту написать хочу.

– Ну так и напиши. Про обезьян... Хотя нет, про обезьян нельзя. Ну их. О! Придумал! Напиши, из-за чего нас в командировку отправили. Мол, на Весте начались беспорядки, нужно было усилить тамошний гарнизон, и для усиления отправили десантников. Беспорядки, главное, распиши покровавей. Сколько там трупов поселенцев было?

– Один.

– Напиши, что десять. Журналисты, напиши, правду умалчивают. Пиши, пиши. Неожиданные внесезонные миграции животного мира южной части Весты стали угрозой для жизни мирных жителей планеты. Поселки колонистов оказались на путидвигающихся стай хищников и бесчисленных табунов копытных и парнокопытных травоядных животных... Как тебе?

– Жизнь жителей? А еще на журфаке учился!

– Ты не умничай. Сам-то придумал что-нибудь?

– Что нам сержантов дали.

– Гений! Творец! Светило татарской стилистики!

– Я на русском пишу. Ленка татарского не знает.

– Тем более, – непонятно к чему заявил Пижон.

Пендель вздохнул, подтянул к себе «секретарь» и застучал пальцами по клавиатуре. Пижон заглянул через плечо.

«Здравствуй, Леночек! – черным по белому экрану. – Можешь поздравить: нам троим, мне, Азаматке и Азату, присвоили звания сержантов. У нас все хорошо. Служба идет как всегда. Недавно послали на Весту, ты, наверное, знаешь, что там были беспорядки. Все закончилось хорошо. Я очень люблю тебя и скучаю. Но скоро выпуск. И мне дадут две недели увольнительной. Тогда я наконец-то увижу тебя. Целую. Айрат Галиуллин. Пендель».

– Гений, – снова хмыкнул Пижон. И едва успел вернуться от легкого, но твердого «секретаря». – Между прочим, ты знаешь, что сегодня ночью боевая тревога будет? С выбросом в одиночный рейд. Типа базу разнесли, и нужно добраться до ближайшего передатчика, доложить о ситуации, сообщить координаты и запросить помощь сообразно оценке ситуации.

– Не в первый раз, – отмахнулся Пендель. – Нам-то с Тихим все по пояс. А ты н-тилигент, тебе страдать полезно.

– Это почему?

– Мозги стимулируются. Так уж вы, н-тилигенты, устроены.

Глава 5

*И Боже ж мой, кому теперь молиться,
Когда мой бог навечно не со мною?
Мне лишь кричать осталось под луною,
Под призрачным дыханием ветров.
Не бог –
Причудливое макраме из слов, –
Мной проклятый,
Он стал навек изгоем.*

Жанна Королёва

Здесь была Земля.

Здесь был Север. Снова Север после двух месяцев задышающихся в дождях и солнце тропиков. Здесь долго тянулись сумерки, солнце неспешно опускалось за холмы, поросшие соснами, а когда по небу расплывалась чернилами темнота, феерическим облаком поднимался над спящим городом подсвеченный огнями летяще-белый кремль.

Середина лета. Долгие жаркие дни. Долгие звездные ночи. Взвесь Млечного пути в высоком небе.

– Тебе не хватало наших звезд?

Не хватало? Да, пожалуй, этих звезд не хватало. На Веронике было другое небо.

Тепло. Пахнет соснами и рекой. Сходят с ума соловьи. Идиллия настолько полная, что хочется в нее поверить.

Русые волосы женщины чуть светятся в темноте, а глаз ее не видно, лишь глубокие тени, и редко-редко отражаются в этой глубине влажные блики, не то от звезд, не то от огней города, что дремлет под звездами.

Женщина и радуется, и грустит. Как можно совмещать эти два чувства? Она рада быть с ним сейчас. Ей грустно оттого, что осталось всего три дня до конца его короткого отпуска. Когда он уходил, ей казалось, что полтора года срок не столь уж страшный, что нужно только ждать, ждать и дожидаться. Но вот он вернулся, вернулся всего лишь через шесть месяцев, и последние часы перед встречей казались ей вечностью.

Она ждала его.

Его?

Да нет, конечно! И личность сбрасывает личину, с треском разрывает надоевшую донельзя чужую шкуру... Стоп! Не торопись, не испорти то, что создавалось долго, тщательно, немалым трудом, твоим и чужим. Тебе еще понадобится эта маска, тебе еще нужна будет эта душа, синтетический человек, копия того, кто не так давно и вправду жил, копия настолько искусная, что даже самые близкие люди того, умершего, не заметили подмены.

Не торопись.

Глаза мужчины ловят взгляд женщины, глаза-омуты, провалы, уходящие в бесконечность. И женщина замирает, как маленькая птица в страшных человеческих руках. И птичьим ужасом полон ее взгляд сейчас, когда ущербная луна заглянула ей в лицо.

– Я был с тобой все время отпуска, – мягко говорит мужчина. Ему очень хочется сдавить покрепче тонкие запястья, чтобы хрустнули косточки, чтобы из птицы, пойманной в ладони, превратилась женщина в птицу раненую, а потом – мертвую. Мужчина вздыхает. Нельзя. – Я был с тобой две недели. Ты закроешь за мной дверь и будешь знать лишь то, что три следующих дня мы провели вдвоем. Только вдвоем. Если тебя когда-нибудь спросят, ты скажешь, что видела меня все время, что я все время был рядом, если будут настаивать, ты расскажешь,

что мы делали. Ты будешь знать, что через три дня я ушел и ты не провожала меня. Тебе все понятно?

– Да.

– Хорошо.

Вот и все. До Москвы лучше, конечно, добираться на самолете, но связываться с Казанским аэропортом себе дороже. Эта жуткая дыра была наглядным свидетельством полной бесполезности традиционного тоста: «За татарскую авиацию».

Уж лучше автомобиль. Новая, не разбуженная еще малышка. Она поймет, что она есть, по дороге до столицы. Жаль, конечно, *будить* машину, чтобы потом снова *усыпить* ее, но нужно спешить. А спящая машина не знает настоящей скорости.

Болид был бы идеальным вариантом. Единственная правильная дорога – это небо, свое небо. Но болид навсегда потерян. Танцевавший когда-то с молниями, он одиноко пылится сейчас в каком-нибудь ангаре и медленно засыпает. Хочется верить, что засыпает, что его душа не мечется потерявшейся собакой в поисках кого-нибудь, хоть кого-нибудь, кто услышит ее.

Ты предал всех, кто верил тебе, Зверь. И сделал это только потому, что тот, кому верил ты, оказался недостоин доверия.

Стыдно?

Нет. Совесть – прерогатива людей, животные и машины ее не знают. А вот небо тянет. Тот, чью личину пришлось носить полгода, не знал неба. И летать не умел. Он умел «водить летательные аппараты». Зато ему и не нужно было ничего. И Зверю ничего было не нужно, потому что Зверь дремал до поры до времени, лишь глаз иногда приоткрывал лениво. На Весте пришлось проснуться, и трудно было заставить себя самого в себя же спрятаться, а сейчас проснулся окончательно, на беду себе или на радость, и не может отвести взгляда от россыпи звезд над ночной трассой.

А за дорогой кто будет следить?

Машина, кому же больше? Она просыпается. Тыкается недоверчиво в ладони: кто я? я есть?

Да. Есть. Надолго ли, неизвестно, но пока ты есть и ты самая лучшая, самая быстрая, самая сильная. Ты создана для того, чтобы лететь по земле, под небом, в этом твоя жизнь...

А твоя?

Нет, машины не спрашивают, они просто заглядывают в душу. Они умеют только так. И, странное дело, они принимают то, что видят. Может быть, потому, что совесть – прерогатива людей, а животные и машины ее не знают?

Может быть.

Машины руководствуются здравым смыслом, в отличие от людей, которые и придумали что здравый смысл, что машины. Год назад ты, Зверь, повел себя как человек. Доверился инстинктам, ни на секунду не задумавшись, зачем и почему делаешь то, что делаешь. А если бы хватило ума подумать?

Если бы хватило времени?

Времени, впрочем, было предостаточно. Полгода ушло на то, чтобы идеально скопировать чужую личность. Полгода. На уничтожение прототипа потребовались секунды. На убийство его родителей – единственных людей, кто мог отличить сына от чужака, – в общей сложности месяц. Все остальное время ты только и делал, что думал, Зверь. Думал, да не о том.

Зачем ты убежал?

Вопрос, конечно, правильный, но, увы, ответ на него есть, даже искать особо не нужно. Как было бы славно, не найдись ответа. Тогда хоть сейчас пошел бы и сдался. С ценными зверями и обращение соответствующее. Поводок длинный, кормежка хорошая, клетка просторная.

Убегал, потому что боялся. За собственную шкуру, которая тогда изрядно пострадала. Когда в твой дом вламываются решительные парни с оружием, в первую очередь нужно бежать, а уж потом смотреть – куда бежишь. И не важно, что вместо винтовок в руках у парней были парализаторы. То есть в тот момент это не важно было. Живым или мертвым, попадать в руки осназовцам совсем не хотелось. Но потом-то, потом ведь понял, что ничего твоей драгоценной шкуре не угрожало. Потому что официально никто тебя не искал. Никто ничего не знал о тебе. Ни намеком, ни полунанеком не упоминалось о чудом спасшемся священнике, о пожаре в лесу, уж тем более о том, что делала в этом самом лесу группа боевиков. Даже пожарные помалкивали, а они-то люди совсем посторонние.

Те, кто устроил все это, прекрасно осознавали твою ценность, Зверь. И дальше по пунктам: поводок, кормежка, просторная клетка.

Да.

Только поводок становился бы все короче. И кормежка дорожала бы. А еще тот, который хотел стать новым хозяином, ни на секунду не забывал о том, что Зверь не только ценен. Зверь еще и опасен.

Для него, для хозяина, – в первую очередь.

Рано или поздно он отдал бы приказ убить убийцу. От греха подальше. Потому что не нашел бы другого способа обезопасить себя. А верить, просто верить таким, как Зверь, люди не умеют. И это правильно.

Магистр, старый, умный Магистр мог не бояться. Единственный из людей, кто знал о Звере все и не испытывал страха. Доверял. Любил по-своему, как ни смешно это звучит.

Магистр умрет. Он оказался плохим хозяином. Беда в том, что все остальные вообще никакими хозяевами стать не смогут. Не смогут, а искать не перестанут, не одни, так другие, не затем, чтобы посадить на цепь, так затем, чтобы уничтожить. Может ли Зверь убегать всю жизнь, всегда, без конца, без надежды остановиться хоть когда-нибудь?

Вряд ли. Но бегство все-таки лучше, чем клетка, которая все меньше, и поводок, который все короче. В нынешней личине стоит с полгода прослужить в армии. Там искать не станут. Вообще, не окажись прототип самым настоящим гением, можно было бы остаться на Земле. Но одно дело скопировать чужую душу, и совсем другое – изобразить гениальность. Так что армия – идеальный выбор. А потом можно вернуться. Стать другим человеком. И прожить еще какое-то время. И снова сменить личину.

Быть собой уже не получится. Надолго – не получится. Впрочем, там видно будет.

А Магистра нужно как следует расспросить перед смертью. Вдруг да расскажет что-нибудь полезное.

* * *

Игорь Юрьевич Смольников, глава государственного департамента по работе с молодежью, принял вечером гостя. И исчез. Как рассказывали охранники в парадном и рыдающая супруга, пожилой представительный мужчина зашел к Смольникову почти сразу после звонка по телефону. Игорь Юрьевич, заметно взволнованный, встретил гостя в прихожей, и меньше чем через минуту оба вышли. Видеокамеры во дворе зафиксировали, как Смольников сел в машину визитера.

Больше его не видели.

Запись телефонного разговора была короткой. После чуть раздраженного поздним звонком «Да!» Смольникова глуховатый мужской голос произнес:

– Добрый вечер, Игорь Юрьевич, нам нужно встретиться прямо сейчас. По поводу проблем в Екатеринбурге.

– Кто... – Смольников чуть задохнулся, – кто говорит?

– Вы знаете кто. Я буду у вас через пять минут. Предупредите охрану.

Разговор в прихожей оказался еще короче. Одна фраза:

– Игорь Юрьевич, вы сейчас пойдете со мной.

И все.

История невероятная и ощутимо папахивающая скандалом. Неудивительно, что розыски главы департамента взяло под контроль министерство внутренних дел, и ничего странного не было в том, что искать старались без лишнего шума.

* * *

Машина летела по ночной трассе. Шторки на окнах, полумрак в салоне, едва слышное урчание двигателя да редкие огни встречных автомобилей.

Какой же русский не любит быстрой езды?

– Олег, что происходит?

– Меня зовут Зверь.

Магистр не мог пошевелиться – контроль над телом он потерял сразу, едва встретился взглядом с шагнувшим в прихожую гостем. Тело не подчинялось, но способность говорить и думать никуда не делась.

Олег... Да, Олег. Игорь Юрьевич зацепился за имя, за последнюю тоненькую соломинку, что давала надежду не утонуть. Имя. По имени Зверя звали лишь родители, он и та девочка, Марина Чавдарова. Имя. Имя не убийцы – человека. Не дать Зверю стать Зверем, напоминать ему, постоянно, каждую минуту напоминать...

– Олег...

– Меня зовут Зверь.

– Да нет же, Олежка...

– У вас глаза болят, Магистр. – Зверь смотрел на серую ленту уходящей в бесконечность дороги. – Кровь давит изнутри, лопаются сосуды, вам больно. Очень.

Уютный полумрак подернулся алой пленкой. От боли зазвенело в ушах, глазные яблоки, кажется, стали больше в два раза, кровь тяжело пульсировала в них, вздрагивали веки... Смольников вскрикнул, дернулся закрыть лицо руками, но руки не слушались.

– Олег...

– Меня зовут Зверь.

– Олег, не надо так...

– Правый глаз уже не видит.

– Не надо, не надо, нет, Зверь, пожалуйста, хватит.

Зверь едва заметно кивнул.

– Боль прошла. Зрение восстанавливается. Дышите ровно, Магистр, нам еще долго ехать.

– Куда мы едем?

– На вашем месте, – кажется, Зверь улыбался, – я спросил бы: куда ты меня везешь.

– Хорошо. Куда?

– Вперед.

– Но... зачем? – Голос заметно дрожал. Недавняя боль до сих пор отдавалась эхом где-то под черепом. И сердце билось неровно. Надо же, а ведь он давно не знал проблем со здоровьем.

Зверь негромко рассмеялся. В зеркальце заднего вида Магистр увидел его глаза и поспешно отвел взгляд.

– Вы жертва, – услышал он.

– Чья?

Услышанное в голове не укладывалось. Жертва? Зверь стал работать на кого-то другого? На конкурентов? Но это бред. Нигде в России, а по большому счету, и ни в одной другой стране

нет организации, способной всерьез конкурировать с Орденом. Кто же мог потребовать такую жертву? Кто...

– Моя.

– Ол... Зверь, ты что, спятил? Ты хочешь меня убить?

– На оба вопроса ответ положительный. А что вас удивляет, Магистр?

– Это глупо, Зверь! Глупо. Ведь я нужен тебе не меньше, чем ты мне. Мне нужна твоя работа, а тебе нужны жизни. Много жизней. Кто еще даст тебе возможность убивать столько, сколько ты хочешь? Мы могли бы продолжить наше сотрудничество.

– Нет.

– Ты всегда мыслил рационально... Зверь. Что с тобой случилось?

– Фу, Магистр, вы всегда мыслили рационально, что с вами случилось? Вы задаете слишком много вопросов, а ведь на любой из них могли бы ответить самостоятельно.

– Ты опустился до мести?

– Как вам угодно.

– Но, мальчик мой, я же пытался предостеречь тебя. Я пытался. Я сделал все, чтобы ты понял: надо бежать. Надо бросать это задание, уходить, прятаться. Я подсунул тебе отца Алексия, Александра Чавдарова, я был уверен, что ты поймешь правильно. Ты же убил его сестру...

– Это не лучшая тема для разговора, Магистр. Вы думали, вы были уверены, я не понял и уверен не был. Прошлого не изменишь. Будущего тоже.

– Но я не предавал тебя, Зверь!

– А разве я говорю о предательстве?

– Тогда за что?

Зверь вздохнул. Покачал головой.

– Мой дом сторел, – произнес он задумчиво. – Вместе со мной, между прочим. В этом вы не виноваты, но я, знаете ли, несколько раздражен. Как думаете, я имею на это право?

– Я не хотел этого, – холодеющими губами выговорил Магистр.

– Верю, – легко согласился Зверь, – но мне плевать. Вы просто попались мне под руку, Игорь Юрьевич. Просто. А кроме того, вы, как ни крути, все-таки причастны к делу. Между прочим, я весьма гуманен, и вы умрете быстро, совсем не так, как мне хотелось бы.

– Но почему я? Почему не священник?

– О-о, – протянул Зверь мечтательно, – священник – это совсем, совсем отдельная песня. Он убивал меня трижды. Вы ведь знаете их дурацкие обычаи, Магистр, правда? Кровь на руках лишает права отправлять литургию. А этот... продолжает служить в храме.

Долгая-долгая пауза. Смольников молча ждал. Олегу совсем не так весело, как может показаться. Олегу вообще не весело. Просто у него сотни улыбок на все случаи жизни, для всех ситуаций, под любое настроение...

– Он меня не убивал, – произнес наконец Зверь, – он... таракана давил. Это не грех, это всему человечеству только на пользу. Все так, как вы говорили, Игорь Юрьевич. В отношении Зверя человеческая мораль не работает. Забавно, не находите?

– Я предупреждал тебя.

– Помню, – отрезал Олег, – знаете, у меня была мысль приурочить все к, так сказать, годовщине. Однако я передумал. Не люблю символичности.

– Ты ведь пожалеешь потом, мальчик. Ты пожалеешь. У тебя же никого, кроме меня, нет. Никто больше не любит тебя, именно тебя, такого, какой ты есть. Любят маски, а ты настоящий для всех остальных – чудовище. И никому, кроме меня, ты не нужен. Твоя сила – да, твои способности, твое искусство убивать, твое умение перевоплощаться – на это всегда будет спрос. А ты? Станешь машиной? Совершенной машиной для убийств?

– Вы много раз говорили об этом. – Зверь зевнул. – Теперь я знаю, что вы говорили правду. Ну и что? Расскажите-ка лучше, кому вы меня продали. Кто еще знает обо мне? Рассказывайте, дорога впереди долгая, хоть время скоротаем.

– Это Весин, – грустно сказал Смольников, – министр внутренних дел.

Зверь тихо присвистнул, обернулся и внимательно посмотрел на своего пленника. Молча посмотрел. Потом так же молча отвернулся.

– А что мне было делать?! – взорвался Магистр. – Что мне оставалось делать, скажи на милость? Он пришел ко мне однажды и сказал... он рассказал о тебе. Ты понимаешь, что это значит? Десять лет. Ты хорошо работал, Зверь, очень хорошо, но за такой срок можно вычислить любого.

– Что он рассказал? – спокойно спросил Зверь.

– О... о тебе. Все.

– Что именно?

– Все, Зверь, обо всех убийствах, обо всех жертвах, о том, как ты...

– Почему вы не отвечаете на вопрос, Магистр? Может быть, мне заставить вас?

– Но... я не понимаю...

– Я тоже. Вы можете вспомнить тот разговор во всех подробностях или нужна моя помощь?

– Нет. Я помню.

– Ну так рассказывайте.

– Он пришел. Он сказал, что не так давно один его человек сделал интересный вывод... Покопался в статистике преступлений за десятилетие и заметил... заметил некую закономерность. Он заметил... – Магистр искал слова, мучительно соображая, как же ответить на вопрос Зверя, не сказав при этом правды, но и не солгав. Лгать сейчас не стоило.

– Он заметил, – помог ему убийца, – что некоторые из преступлений объединяет один человек, так?

– Да, – выдохнул Смольников.

– Он заметил, что четыре раза за эти десять лет люди умирали очень уж вовремя. Для вас вовремя, правда, Магистр? Ну? – Зверь вдруг резко остановил машину. Смольникова бросило вперед, лицом в спинку переднего сиденья. – Он рассказал вам о вас, Игорь Юрьевич, – тихо произнес Зверь. – О вас и о вашей организации, о том, что вы называете Орденом, он рассказал вам многое, что-то даже с подробностями, о которых вроде бы и не должен был знать, он напугал вас, но он ни слова не сказал обо мне. Скажите, что я не прав. Скажите это, Магистр, и, может быть... я ведь не хочу убивать вас... может быть, я поверю. Ну так кто из нас соврал? Отвечайте, только честно.

– Я. – Болел ушибленный нос. – Но я не продавал тебя. Понимаешь, раз Весин пришел сам, лично, значит, у него свой интерес в этом деле. Интерес вполне понятный. Уничтожать Орден глупо, куда разумнее и выгоднее прибрать его к рукам. Но Весин хотел Орден без меня, все сразу и бесплатно, а мне он обещал взамен спокойную жизнь. Только жизнь. И ничего больше.

Зверь молчал.

– Тогда я и рассказал о тебе, – признался Магистр. – О том, что ты можешь. И о том, что я знаю тебя и умею с тобой работать лучше, чем кто бы то ни было. Весин поверил не сразу, и я его понимаю, я помню, как сам впервые услышал о тебе, а ведь тогда ты мог и умел от силы десятую часть того, на что способен нынче... – Смольников сделал паузу, переводя дух. Он говорил очень быстро, неловко и тяжеломерно громоздя фразы, но искренне, потому что лгать сейчас не мог. – Поначалу у меня возникла мысль обратиться к тебе за помощью, – произнес уже спокойнее, – но, рассудив здраво, я решил, что будет лучше, если все случится само. Как бы само. И следующей жертвой был выбран Чавдаров. Однако ты не понял. И все

пошло наперекосяк. Я переоценил тебя, мальчик, а, может, недооценивал. Вместо нормального человеческого страха, вместо хотя бы нормального человеческого сомнения я получил обычную твою безмолвную исполнительность. Ты не задал ни одного вопроса. Ты не потребовал объяснений. Ты взялся убивать этого человека так же спокойно, как убивал всех других. И не убил. Впрочем, этот твой промах все равно пошел мне на пользу, потому что сейчас я нужен Весину: лишь через меня он может отыскать тебя. И, знаешь, он уже не мечтает о поводке, он уже готов к сотрудничеству. Ты подумай об этом, Зверь, подумай, не отмахивайся сразу. Ну сколько еще ты проживешь в бегах? Год, два, может быть, пять. Не больше. Как только министр решит, что пользы от тебя ему не будет, за тобой начнется охота. По всем правилам. Ловить будут не тех многих, за кого ты так успешно себя выдавал, ловить будут не десяток или полтора орденских убийц, ловить будут тебя, тебя лично, и, как бы ни был ты хитер, от этих охотников тебе не уйти.

– Уже боюсь, – кивнул Зверь. – А себя вы видите в роли егеря? Знатока животного мира, так?

– Если ты не согласишься на сотрудничество, у меня не останется выбора.

– Ну вы даете, Магистр! Какой выбор? Вы умирать едете, не забыли? – Зверь рассмеялся, автомобиль резко набрал скорость.

У Смольникова потемнело в глазах. Пятикратное ускорение придавило к креслу. А Зверь гнал, гнал послушную, радостно урчащую машину. По экрану спидометра летели, сменяя друг друга, числа: 250, 270, 290...

– Прекрати! – вскрикнул Магистр, разглядев пугающие 320.

– Ей нравится, – спокойно заметил Зверь.

330, 350...

Машина как комета неслась сквозь ночь. Пальцы Зверя ласкали руль, скользили по кнопкам переключения передач.

Совершенно не к месту и не ко времени, вместо того чтобы искать выход из безнадежно опасной ситуации, Смольников вспомнил вдруг, как однажды, один-единственный раз в жизни, спросил своего воспитанника, по каким дорогам и за какой срок доберется тот из Москвы, скажем, до Владивостока. При условии, что пользоваться услугами аэрокомпаний нельзя. Настроение такое было, хотелось как-нибудь пошутить, а никого, кроме Олега, под руку не подвернулось.

Тот задумался на секунду, а потом ответил совершенно серьезно:

– Двенадцать часов.

– Да? – хмыкнул Смольников. – Что ж не за десять?

– Я доберусь за десять, – спокойно сказал Олег, – но вы-то не верите даже в двенадцать, значит, мне придется взять вас с собой. Не люблю, когда мне не верят. Вы по дороге раза четыре будете блевать с перепугу, и на то, чтобы привести вас в норму, уйдет время, еще вы, конечно же, будете пытаться сбежать где-то на первой трети пути, мне придется ловить вас, что тоже делается не быстро...

Игорь Юрьевич скис от смеха и продолжал смеяться, пока не обнаружил себя сидящим в тесноватом салоне болида «Тристан-14». Легкая машина взвилась в небо. Смольников, еще не веря, глянул вниз, на слившиеся в зеленые полосы кроны деревьев, и тут же с легким смешком Олег закрутил болид в бочку. Магистра вывернуло в невесть откуда взявшийся бумажный пакет, а дальше было много часов ада. Кромешного ада. Дважды Смольников пытался сбежать, когда «Тристан» опускался на заправках, но на смену топливных баков у техников уходило меньше минуты, слишком малый срок, чтобы выбраться из ремней, открыть колпак и выскочить на благословенную землю.

Полет до Владивостока занял десять часов двадцать семь минут.

Обратно Смольников ехал монорельсом и все четыре дня проклинал себя за то, что не учел, подначивая Олега, его совершенно невероятных для обычного человека взаимоотношений с машинами. Любыми. В том числе, разумеется, и с болидами.

Экзекутор встретил его на вокзале в Москве. Осведомился, как прошла поездка. Предупредительно распахнул перед Магистром дверцу очередной своей четырехколесной игрушки. Игорь Юрьевич глянул на его искреннюю улыбку, покачал головой и вызвал собственного шофера.

Олег не обиделся.

Из воспоминаний. Смольников

Олег в некотором роде анимист. То есть он одушевляет многие из окружающих его предметов: оружие, машины, свой дом... и не только свой. Собственно, потому он и не любит брать жертву в ее жилище. Поговорку насчет того, что в своем доме и стены помогают, мальчик воспринимает вполне серьезно, и мне кажется, у него есть на это основания. Да-да. Я не суверен и уж тем более не склонен к анимизму, но как прикажете расценивать то, что дома у Олега никогда ничего не ломалось. У него три убежища, так сказать, официальных, тех, о которых мне известно, и по крайней мере за них я ручаюсь. Никогда. Ничего.

А его автомобили? А болиды? Последнее приобретение – всеми проклятый «Тристан-14», самая капризная модель... Что? Дорогая? А сколько, по-вашему, стоит подобный специалист? Разумеется, я платил.

Что с болидом? Да ничего с болидом, я просто привел его как пример. Модель экспериментальная, самая сложная, про четырнадцатые «Тристаны» чего только не говорят. Вы знаете, как Олег любит развлекаться? Он летает в грозовом фронте. Так-то вот. А на машине хоть бы краска поцарапалась.

И с автомобилями то же самое. Ведь невозможно по нашим дорогам ездить под четыреста километров... Нет, извините, я к преувеличениям не склонен. Вы просто поймите: эти твари его любят. Твари – определение неуместное, но как еще прикажете называть предметы, недвусмысленно выражающие свою привязанность? Я это слово использую для доступности, для яркости образа, если угодно.

Вы вот высказывали претензии по поводу того, что у меня нет ни одной фотографии Олега. Полагаете, я ни разу не пробовал? Пробовал. Поначалу. Но, знаете ли, постоянно что-то мешало. До появления цифровых фотоаппаратов засвечивалась пленка. А потом то аккумулятор разрядится, то настройки собьются. До смешного доходило: я забывал снять крышку с объектива. М-да.

* * *

Лето на Среднем Урале выдалось жаркое. Тридцать пять градусов в тени – метеорологи диву давались, а похолодания все никак не предвиделось.

Небо над Екатеринбургом было темно-синим и вязким, как гуашь. Между небом и крышами дрожало мерцающее марево.

– Дышит город, – заметил Зверь, останавливая машину и кивая на призрачно трепещущий воздух, – греется. Знаете, сколько людей умирает в такую жару? Города любят, когда людидохнут. Выметайтесь, Магистр. Спуститесь по улице вниз – и через сад к церкви. Когда войдете в молельный зал, вспомните то, что я приказал вам, и выполняйте приказ. Вперед!

Смольников медленно шел по аллеям старинного сада. Мимо огромных деревьев с густой темной листвой; по берегу неглубокого гладкого пруда с белой ротондой, застывшей над вод-

ным зеркалом. По узкой аллее, чуть в гору, к синеющей за белым приземистым дворцом златокупольной церкви.

Было тихо. Почти безлюдно. В прохладной тени звенели робкие городские комары. Никому, кроме них, не было дела до главы государственного департамента, неспешной походкой идущего под шепчущимися кронами старых-старых лип.

Мощеная плитами площадь перед папертью тоже была безлюдна. Только побирушки выжидательно крестились, опустив глаза, не глядя на импозантного мужчину в дорогом длинном плаще.

А тот оглянулся на город, скользнул взглядом по памятнику покорителям космоса, что мирно соседствовал с церковью на вершине одного холма. Взглянул на купола. Поднял руку. И перекрестился. Неуверенно, медленно, словно делал это в первый раз или вспоминал, как кладется крест, после очень-очень долгого перерыва. Решительным шагом миновал нищих, игнорируя негромкую скороговорку: «Подайте-Христа-ради-храни-вас-Бог», толкнул высокую резную дверь и исчез в полутьме храма.

Он поднялся на второй этаж, в молельню, в самый разгар торжественной службы. Постоял за спинами тесно набившихся людей. Оглядел поверх голов, поверх полотняных платков и кисейных шарфов, поверх тусклых лысин и густых шевелюр, поверх свечного мерцания, бликов на окладах темных икон, тяжелого сладкого запаха – поверх добрых сейчас к себе и ближнему людей оглядел молельный дом, тускло улыбнулся и достал из подмышечной кобуры старый австрийский автомат.

Стрелять Смольников начал молча. Да если бы и крикнул он что-нибудь, все равно грохот выстрелов заглушил бы его крик, так же как заглушил крики гибнущих в храме людей.

Глава 6

*Вытри слезы, ведь волки не плачут,
Не к лицу им притворяться людьми...*
Олег Медведев

Ох и тошно же было!

Столько жизней впустую. Души уходили, улетали себе в Небеса или куда там им положено, а посмертные дары десятков запертых в храме жертв оставались в церковных стенах. Зверь физически чувствовал, как оседают они на пол, растекаются по окнам, размазываются о купола, не найдя выхода. Потом, значительно позже, когда понаедет в церковь священников, когда проведут все обряды, очищающие от того страшного, что происходило сейчас за стенами храма, сколько молящихся чудом избегнут смерти или увечий! Понахватают посмертных даров, сами того не почуяв, и вот вам, пожалуйста: поскользнется кто-нибудь, не успев шагнуть на проезжую часть, а мимо пролетит взбесившийся автомобиль; или задержится незадачливый путешественник на контроле багажа, опоздает на самолет, а тот грохнется где-нибудь посреди океана; или... да мало ли что случается с людьми? Мало ли идиотов, готовых считать чудом то, что смерть миновала, не задев на волосок?

Много.

Почти все.

Может, не стоило отправлять Магистра в храм?

Да нет, что за глупости! Стоило. Именно в храм и стоило. Во-первых, из-за Сашки Чавдарова, с которого Смольников должен был начать. Во-вторых... из-за Сашки Чавдарова.

А доблестная полиция опоздала на какие-то минуты. И ведь все правильно они сделали. Город оцепили – мышь не проскочит. К церкви такие силы стянули – на маленькую войну хватит. Ждали в полной боевой готовности... чего? Чего они ждали, идиоты? Появления Зверя во всей красе, на любимом болиде, с кустарно приваренным бортовым вооружением? Спятившего Вольфа Мессинга, одержимого жадной убийства? Да кто их поймет? «Повелись», так это называется. Из короткой телефонной беседы Зверя и Магистра они получили всю информацию и стали действовать так, как привыкли, так, как требовалось от них, так, как... как надо.

Все идет как надо.

И воют сирены на маленькой площади перед разом опустевшей папертью. И пятнистые стрелки штурмуют церковь, натянув мало не до плеч черные эластичные маски. И нет больше Сашки Чавдарова и Магистра... вот он взрыв, ахнуло, земля под ногами вздрогнула тяжело... нет больше Магистра – это взорвался пластик, которым он был облеплен. Все сделано. Все сделано как надо, как хотелось, черт побери, ведь хотелось же, Зверь? Ведь так и нужно было? Ну? Ну, ответь! Сам себе ответь!

Да.

От чего же так тоскливо на душе? Отчего хочется выть, забившись в темный угол? Жизнь закончилась, как заканчивается она для ребенка, за которым слишком долго не приходит в детсад задержавшаяся на работе мама.

Глупо это, Зверь. Все человеческое должно быть тебе чуждо. Ты сделал то, что хотел? Ну так уходи. Жизнь продолжается. Другая. Чужая. Не твоя, но она продолжается, и ты, кажется, уже нашел в ней свое место. Уходи. Убегай. Пока не начали шерстить здесь всех без исключения, спрашивая документы, задерживая до выяснения, пока одурело выносят из церкви трупы, трупы, трупы... Уходи.

Сухопарый светловолосый парень неспешно шел по затянутой в гранит набережной городского пруда. Жизнь кипела вокруг, вспыхивала яркими пятнами летних кафе, бликовала водой на солнце, вскрикивала и смеялась бездумно-веселыми голосами молодежи. Жизнь обтекала не касаясь, не осмеливаясь задеть.

Задумчивая смерть отрешенно глядела на воду. Смерть удивлялась. Даже ей, оказывается, может быть больно.

А выпуски новостей не радовали ничем. Ну несколько не радовали.

«Игорь Юрьевич Смольников, глава государственного департамента по работе с молодежью... бывший глава»... Каким-то чудом он остался жив.

«Невероятный по жестокости террористический акт, совершенный в Вознесенской церкви города Екатеринбурга...» Слова, слова. Невероятный по жестокости. Как же он выжил?

Да понятно как! Зверь и к этому был готов. Ведь сам же делился с наставником посмертными дарами. Сорок Ритуалов за десять лет. Сорок раз Магистр получал немалую толику от посмертного дара распятого на алтаре человека. И он, в отличие от Зверя, силу попусту не тратил. Да что там «попусту»! Он вообще не растрчивал полученного. Копил. Берег. Жить хотел если и не вечно, вечно жить никому не дано, то, по крайней мере, очень, очень долго. И жил себе. Скромно так. Потихонечку.

Сколько жизней у него было в резерве? Ну не сорок, конечно, что-то Зверь и себе оставлял, да еще и с остальными допущенными до Ритуала делиться приходилось. Не сорок. Однако этих не сорока хватило, чтобы пережить взрыв и даже падение огромного паникадила.

Стоит сделать паузу в унылых размышлениях и порадоваться тому, как точно, до секунды, были рассчитаны действия Магистра. К моменту взрыва он действительно оказался в самом центре молельного дома, и рухнувшее паникадило накрыло то, что от него осталось.

Да. А после паузы стоит вспомнить, что даже это не убило мудрого наставника.

Зверь лежал на ковре, закинув руки за голову, и смотрел в экран телевизора, уже не видя и не слыша ведущих, в должной мере сознающих трагизм ситуации, в должной мере оживленных, в должной мере испуганных. Не до них было. Эти люди свою работу начали, и они ее продолжают уже помимо всего и всех.

Что дальше?

Вопрос неуместный. Год назад он и вовсе показался бы смешным. Что дальше, если все разложено по полочкам, все действия продуманы на неделю вперед до мелочей, а на год вперед – менее подробно, но не менее жестко.

До появления на сборном пункте еще три дня. Три дня до конца отпуска. В первоначальные планы входило на это время исчезнуть совсем, отлежаться где-нибудь, ничего не делая и по возможности ни о чем не думая. Что ж, планы придется подкорректировать. Эх, Магистр! Даже сдохнуть так, чтобы проблем не доставить, он не может. Теперь его приятель, Весин, потенциальный работодатель, чтоб ему, вполне способен поверить в рассказы Смольникова о посмертных дарах. Только теперь. Ни один здравомыслящий человек без доказательств подобную лабуду не воспримет. А доказательство – вот оно, лежит себе в реанимации, и, если верить в меру трагичным сообщениям новостей, врачи за голову хватаются, пытаются понять, каким же чудом удалось выжить этому человеку, устроившему кровавую бойню в церкви, а под конец взорвавшему себя самого.

До чего же заманчивая штука – бессмертие! Неуязвимость, здоровье, бесконечная молодость. Сколько людей мечтает об этом! Даже те, у кого жизнь не удалась, любовь не сложилась, денег нет и не будет никогда, даже они не хотят умирать и уж тем более не хотят стареть. А что говорить о таких, как Весин, многого достигший и еще большего желающий?

Зверь задумчиво хмыкнул. Если министр поверит в посмертные дары, это станет дополнительной гарантией того, что орденского экзекутора будут брать живым. Обязательно живым. И это же послужит стимулом в поисках. Все как всегда. Если что-то плохо, оно же обычно хорошо. А если все хорошо, значит, «плохо» просто не бросается в глаза. Сразу не бросается. Зато потом мало не покажется.

Уже лучше. Намного лучше. Рассуждать получается спокойно и чуть отстраненно, а боль забила куда-то в далекий уголок души и тихонько там себе поскуливает. Ноет. Наберись смелости, убийца, и разложи по полочкам все, не только дальнейшие свои действия, не только ситуацию – темный лес, по которому с собаками и фонариками мечутся очумелые охотники. Во всем разберись. Плохо тебе, убийца? Грустно тебе? Страшно, может быть?

Да. И нет. На все три вопроса три одинаково дурацких ответа.

Год назад, когда вместе с домом в лесу сгорела и рухнула вся жизнь, вот тогда действительно было и плохо, и грустно, и страшно. Все было. И еще раньше, десять лет назад... уже одиннадцать... Тогда умерла Маринка...

Умерла?

Зверь улыбнулся.

И тогда, давно, и год назад было желание действовать. Нужно было убежать, прятаться, менять имена и личины. Не до мыслей с такой жизнью. И уж тем более не до переживаний. Злости хватало на десятерых, и было на кого эту злость выплеснуть. А сейчас все сделано. Виноватых нет. Виновные наказаны. Магистр умрет. Сегодня же и умрет. Его охраняют, конечно, но ведь нельзя охранять пациента от всех вообще. К Смольникову врачи ходят, медсестры, санитарки опять же. Ну, от санитарок пользы никакой, а вот врач или медсестра поспособствуют нынче ночью святому делу воздаяния.

И с Орденом покончено.

Мелькают на экране знакомые лица, одурелые от кровавого хмеля взгляды, мечутся тени, отбрасываемые факельным пламенем.

Дикость какая! А уж как пришлось повозиться с настройкой камер, чтобы записи Ритуалов получились хоть сколько-нибудь качественными. Про монтаж и говорить не приходится. Но ведь не поставишь же в зал операторов и софиты не включишь. Не поймет публика.

Публика, впрочем, и так не поймет.

Потрясающий сюрприз для орденских шишек! Для благополучных дядечек и блистательных тетечек, для стаи, жадной до крови, до боли, до криков распятой на алтаре жертвы. Как они смотрят! А вон и мадам-кинодива, по обыкновению присевшая у кровостока. Окунает в желоб точеный пальчик и облизывает с томной хищностью. Нельзя не уважать! Так привыкла красавица работать на публику, что даже во время Ритуалов, где остальные полностью теряли контроль над собой, она вела себя так, словно за ней следила камера и миллионы поклонников.

И ведь камера действительно следила.

А дамочке и невдомек, сколько на самом деле дерьма и грязи течет по кровостоку, пока экзекутор работает с жертвой. Ведь не зря же он всегда в перчатках. Гигиена, знаете ли, прежде всего.

М-да. Был Орден. Вообще, нашли кому доверять проверку ритуальных залов на наличие записывающей аппаратуры! Это ж додуматься надо было, отдать столь важное дело человеку, на котором крови раз в десять больше, чем на всех остальных, вместе взятых. Да для такого вообще ничего святого нет.

Разве хоть кто-нибудь об этом подумал?

Куда там!

Думали как раз о том, что тот, кто больше всех запачкан, должен больше всех и о безопасности думать.

Больше всего времени занял монтаж. Нужно было изъять все куски, на которых попадал в камеру экзекутор. Не так-то легко все время держаться вне фокуса. Работая с жертвой, нельзя стоять на одном месте, алтарь – не операционный стол, а палач – не хирург. Можно качественно работать и с миллиметрами человеческого тела, но Ритуал требует зрелищности.

Молодцы господа журналисты, состряпали из полученных материалов блюдо лакомое и жуткое на загляденье. Кровищи немного, а ту, что есть, показывают мельком. Зрелище завораживающее и отвратное, но не до тошноты. А вот звук дали напрасно. Ой напрасно. Нормальные люди, такое послушав, ночью спать не смогут.

Сегодня запись Ритуала пустил в эфир один-единственный канал. Не федеральный – городской. Остальные – в том числе федеральные – получив документы, тяжело задумались: стоит ли овчинка выделки? Они нутром чувят: стоит. Но нутрянному чутью доверять опасаются. А промах в такой ситуации может обойтись ой как дорого. С учетом того, какие люди и какие женщины запечатлены бдительным оком камеры, промах обойдется дороже, чем способны представить даже самые осторожные.

Ладно, сегодня они еще боятся. Завтра будут оглядываться друг на друга. Послезавтра начнут перешептываться. А дней через пять по всей стране начнется такой скандал, что записи Ритуалов покажутся детскими фильмами.

Ну что, Зверь? Ожил? Вспомнил, кто ты есть? Был тебе Магистр папой-мамой и школой со всеми университетами. И продал тебя Магистр. И нет у тебя больше ни папы, ни мамы, ни любящего наставника. Плохо тебе, убийца? Грустно тебе?

Плохо и грустно может быть человеку. Зверю – не может.

Нельзя быть зверем и человеком одновременно.

Страшно тебе?

Зверь может бояться. Но темен лес, и очумело носятся по нему охотники с собаками, а фонарики им только мешают. Нечего бояться зверю. А вот пара часов сна ему совсем не помешают. И проснется зверь голодным. И сам начнет охоту.

За кадром. Весин

Тяжелые настали времена. До того тяжелые, что генерал-майор иной раз ловил себя на желании отдать приказ об уничтожении Зверя. Убийца заслуживал того, чтобы быть убитым. То, что он устроил, не поддавалось разумному объяснению, противоречило всему, что рассказывал о своем воспитаннике покойный Смольников, и отравляло существование министру внутренних дел.

Зверь разрушил Орден. Своими руками уничтожил организацию, которая дала ему жизнь. Видеозаписи Ритуалов сами по себе были не опасны: волшебное слово «монтаж» заставляет усомниться даже в самой достоверной информации. Но приложенные к записям комментарии места для сомнений не оставляли. Все данные о жертвах, даты их исчезновения, время смерти и, главное, места захоронения. Это, последнее, оказалось лучшим доказательством того, что все записи подлинные.

Орден не был оригинален в способах сокрытия трупов. Не так уж сложно спрятать тело, если привлечь к сотрудничеству работников крематориев и похоронных контор. В основном жертв, конечно, сжигали, но некоторые были просто похоронены в чужих могилах. И если к первой эксгумации, проведенной по настоянию родственников погибших, эксперты подходили с брезгливой недоверчивостью, то все последующие прошли, если можно так выразиться, «на ура». Скандал набирал обороты. Да так стремительно, что те, кому не оторвало голову, хватались на всякий случай за шапки. Что-то еще будет?

Непонятно было еще и то, почему жертвами для убийств выбирались вполне благополучные люди, иногда даже люди заметные, то есть такие, которых обязательно начали бы искать.

Их и искали, надо сказать. Другой вопрос, что не находили. Но к чему нужны были Смольникову – ведь именно он выбирал жертв – лишние проблемы?

Зверь, правда, не работал в каком-то одном регионе или даже в одной стране. Он не ограничивался Россией. Или его хозяин Россией не ограничивался. Не суть. Важно, что до появления видеозаписей никому в голову не приходило связывать эти исчезновения друг с другом. Люди пропадают – это естественно и, увы, необъяснимо. То, что пропадают богатые люди, так же ожидаемо, как исчезновения разного рода нищих и бродяжек. А вот когда открылась кошмарная правда, реакция оказалась куда серьезней, чем если бы речь шла о никому не нужных отбросах.

«Зачем? – недоумевал Николай Степанович Весин. – Зачем нужно было уничтожить Орден?»

Работы невпроворот, и сил уже нет слышать один и тот же набивший оскомину вопрос: «Куда же вы смотрели, господин министр?» Где уж там остаться в белом? Тут не утонуть бы вместе с остальными.

Куда смотрели?

Разве объяснишь сейчас, что Смольников начал свою деятельность еще в бытность Весина простым лейтенантом? Как рассказать, что Ордену без малого тридцать лет? Что началось все с прекращения финансирования Института прикладной этнографии, который, пытаясь удержаться на плаву, вынужден был продавать результаты своей работы и своих исследований. Малую толику. Но Смольникову хватило и того для создания сети совершенно невинных молодежных группировок, замешанных в криминал ненамного больше, чем любые другие стаи молодняка. Да, именно *сеть* группировок, да, разумеется, слово «сеть» подразумевает организованность. Да. Да. Но это, слава богу, не запрещено. Орден не был зарегистрирован официально, и это единственный повод для придинок. Господи, да Смольников просто играл во власть. Дергал за ниточки и с умиленной улыбкой наблюдал, как реагируют на рывки отдельные детали его огромной, но рыхлой и совершенно бесполезной организации.

Самому себе можно признаться, что не так уж она была и бесполезна. Дети выросли, но не забывали тех, кто наставлял и воспитывал их в экзотическом и романтичном поклонении злу. Дети становились кем-то или оставались никем, так или иначе, возникала система над системой. Вторая ступенька Ордена. Была и третья. А как же без третьей? За три десятка лет можно вырасти ой как высоко. Третья ступень Ордена – те, кто пришел во власть. В любую, пусть даже самую махонькую властишку. И, наконец, ступень четвертая – круг Мастеров.

Самому себе можно признаться и в том, что навязший на зубах вопрос: «Куда же вы, господин министр, смотрели?» – вполне правомочен. Насколько велико было влияние Ордена? Что в действительности мог круг Мастеров? Был ли вообще предел его возможностям? Был, конечно. За тридцать лет можно сделать многое, но ведь не все же. За тридцать лет. А программа-то была долгосрочной.

Пятая ступень Ордена – Магистр. Отец, творец, идейный вдохновитель, организатор и, если верить самому Смольникову, гениальный педагог. Он ведь действительно рассчитывал жить если не вечно, то очень, очень долго. А дураком при этом Игорь Юрьевич не был. И в избытке фантазии его никак нельзя было обвинить. Однако, создавая Орден, Смольников сумел убедить тех, кто был с ним тогда, в том, что бессмертие возможно.

Каким образом?

Эти люди верили, что продляют свою жизнь за счет жизни жертвы. Трудно сказать сейчас, насколько оправдана была их вера. В какой-то степени... дожил ведь Игорь Юрьевич до семидесяти лет, сохранив при этом цветущий вид и здоровье пятидесятилетнего. Не на пустом же месте такое долголетие строилось. А с появлением Зверя полусказка неожиданно и сразу стала реальностью.

Если верить Смольникову.

А как ему не верить? После того что случилось в церкви, как не верить в бредовую правду этого сумасшедшего? Магистра должно было разбрызгать по полу и стенам, ровным слоем размазать, так, чтоб и хоронить оказалось нечего, а он умер в реанимации. Умер в результате трагической ошибки. Уставшая медсестра перепутала лекарство в капельницах. Сам факт того, что там было куда ставить капельницу, говорит о многом.

То, что происходило сейчас в Екатеринбурге, не поддавалось никакому объяснению. Точнее, генерал мог бы попытаться объяснить, но это обошлось бы ему слишком дорого.

Люди умирали. Умирали сами. От несчастных случаев, от внезапно обострившихся хронических болезней; люди совершали самоубийства; люди словно задались целью так или иначе свести счеты с опостылевшей жизнью.

Ни одна из смертей не вызывала подозрений. Все вместе они становились страшными числами в статистических сводках. А сводки заставляли генерал-майора Весина сжимать пальцами ноющие от боли виски. Орденский палач превратил город в огромную... кормушку. Именно кормушку, другого слова не подобрать. Он прятался где-то там, страшный, жадный и, видимо, очень злой. Он скрывался в городе, но скрывался нагло, каждый день демонстрируя свою силу тем, кто пытался найти и поймать его. И сила эта была велика. Зверь дразнил охотников. Весин понимал, что дразнят лично его – наверняка перед смертью Смольников выложил своему палачу все. Зверя словно и не было нигде, но люди-то умирали. Снова и снова. И никакого воображения не хватит, чтобы понять, насколько полезна была бы генерал-майору эта впустую растрчиваемая сила.

Искали.

Вообще ситуация была нетипичной. Обычно при вскрытии серьезной организации работать приходилось начиная с низов, с простых исполнителей, через которых осторожно-осторожно можно было выйти на кого-то посерьезней, а там, если повезет, добраться и до настоящей верхушки. С Орденом все вышло наоборот. Реальный глава погиб. Генерал Весин ни на грош не верил во врачебную ошибку, знал прекрасно или не знал, а чуял, но уж так, что не сомневался: Смольникова убил Зверь. От этого не спасет никакая охрана. Убил, разумеется, не сам. То есть не своими руками, но разве это что-то меняло?

Зверь был в Екатеринбурге. Но где? Город прочесали частым гребнем – обыскивали все, начиная с гостиниц и сданных в аренду квартир и заканчивая всякого рода притонами. Сколько дерьма всплыло, вспомнить страшно. И только экзекутор как сквозь землю провалился.

Под землей, кстати, тоже искали. Хотя, если верить Магистру, туда Зверь не подался бы даже под страхом смерти. Как же! Оттуда неба не видно. Бред полнейший, до неба ли, когда весь город на ушах стоит? Катакомб особых под Екатеринбургом отродясь не водилось, разве что под Ипатьевским дворцом, который как раз рядышком с церковью стоит. Ну плюс еще метро и канализация. Обшарили добросовестно каждый сантиметр. Впустую. Так что и этот вариант отпал.

Члены Ордена, бывшего Ордена, особы особо допущенные – в общем, те, кто принимал участие в Ритуалах, вели себя странно. Для начала пытались взять всю вину на себя. Это при том, что прекрасно знали: никому они уже не помогут, Магистр и так мертв, а остальная верхушка они же сами и есть. Рассуждали арестованные, надо отдать им должное, очень логично. Обвинения выстраивали – не придерешься. Впору верить, если не знать точно, что на самом деле все обстоит иначе. И если забыть, что обвиняемые тоже знают, что полиция знает...

Голова шла кругом.

Зверя, кстати, помнили только женщины. У мужчин же как отрезало. Ритуалы, да, были. А как же! Четырежды в год. О, это было прекрасно. Ради этого стоило жить! Палач? Какой палач? Экзекутор? Ну да, понятно, экзекутор, значит, исполнитель, это мы знаем, люди образованные, но при чем тут?.. Ритуалы проводил? Что это вы такое говорите? Кто, если не он? И в самом деле, кто же?

На этом месте воспоминания обычно заходили в тупик. Логика, как позже объяснили Весину, – логика шизофреническая – отказывала напрочь, и арестованные впадали в ступор, пытаясь вспомнить.

Не вспоминали.

Совсем.

Отчаявшись добиться результатов обычным путем, генерал, скрепя сердце, вступил на путь необычный. Подобные методы, если приходилось к ним прибегать, вполне себя оправдывали, но у Николая Степановича была на всякого рода заумь стойкая идиосинкразия. Лишь после долгих размышлений, после хмурого убеждения себя самого в том, что необычную тварь и искать нужно по-особому, Весин решился обратиться к помощи штатных... колдунов. Сам Николай Степанович произносил это слово именно после многоточия. Да еще и вставлял в начале многозначительное и брезгливое «гхм». Обратившись к помощи... «гхм, колдунов», генерал-майор запил. На целые сутки. По истечение же оных, переживая тяжкое похмелье, окончательно сумел уверить себя в том, что... гхм, и им подобные Зверя разыщут.

Должны разыскать.

Обязаны.

А на кого еще надеяться? В случае с экзекутором бесполезно развешивать на всех углах его портреты – внешность Зверь меняет проще, чем одежду; отпечатки пальцев – штука, конечно, полезная, но и от них пока никакого толку; группа крови у поганца самая что ни на есть распространенная – первая. А больше никаких данных о нем нет. Аналитики пока лишь тихо ворчат, пытаясь разобраться в мешанине информации, что свалилась им на головы. Все связи Зверя с человечеством начинаются и заканчиваются мертвым Магистром.

Последнее утверждение, правда, очень и очень сомнительно. Чтобы менять внешность, документы, образ жизни и собственную личность, нужны довольно обширные связи. В совершенно, кстати, определенных кругах.

Круги прошерстили – только пух полетел.

Только пух и полетел. Не было там Зверя. И ведь не объяснишь людям, которые ведут поиски, что разыскивают они незаурядного гипнотизера, который без всякого труда кого угодно заставит забыть обо всем... вплоть до необходимости дышать, например.

Весин прослушивал дневники Магистра. Полтора десятка аудиодисков, спокойный, почему-то кажущийся старческим голос, резкие переходы от эмоциональных выплесков к холодным рассуждениям.

У Смольникова была интересная манера вести дневник: он беседовал с... кем-то. С невидимым и, скорее всего, несуществующим собеседником. Николай Степанович живо представлял себе Магистра, почему-то в строгом костюме – может быть, потому, что никогда не видел Смольникова одетым иначе, – с чашечкой черного кофе сидящего перед равнодушным цветком микрофона. Одинокое сидящего. И ведущего диалог. Зрелище жутковатое, однако, в сравнении с тем, что еще творил Магистр, мирное и какое-то даже успокаивающее.

Интересно было то, что дневниковые записи Смольников начал десять лет назад. Когда к нему в руки попал Зверь. О более ранних событиях вспоминал лишь мельком, как о фактах неинтересных и достойных упоминания лишь постольку, поскольку они могли объяснить что-то собеседнику непонятное.

Ему хотелось выговориться. Страшно хотелось рассказать, поделиться, похвастаться. Некому было. Желających узнать о Звере, конечно, нашлось бы предостаточно, но Магистр прекрасно понимал, что ни один человек о его воспитаннике узнать не должен. Слишком велик шанс потерять и Зверя, и надежду на бессмертие, и саму жизнь.

Весин прослушивал дневники и постепенно приходил к выводу, что покойный Магистр был действительно незаурядным педагогом. Может быть, педагогом гениальным. Гений и зло-

действие в жизни совмещаются с необыкновенной легкостью, и сколько же страшных дел может совершить гениальный злодей!

Из воспоминаний. Смольников

Кое-что человеческое ему действительно чуждо. Так что называть Олега человеком я бы не стал. Биологически он, разумеется... и то, знаете... нет, я бы не стал.

Я нашел этого мальчика, я вырастил его, воспитал, дал ему образование, и не одно, предоставил ему возможность жить так, как он хочет. Я люблю его больше, чем собственных детей. Дети, какими бы родными они ни были, все равно вырастают живым укором родителям. В них вкладывается столько надежд, а они имеют нахальство становиться независимыми. И живут так, как считают нужным. Из Олега же я сделал то, о чем и мечтать никогда не смел, и уж конечно никогда не посмел бы сотворить подобное со своими сыновьями.

Он никогда никого не любил. Разве что родителей, но и тех скорее как некий идеальный образ. Детдомовским детям вообще свойственно наделять потерянных родителей едва ли не ангельскими свойствами. Н-да. Так вот, Олег никогда никого не любил, но в этой своей нелюбви меня он все-таки выделял. И выделяет по сей день.

Его воспитание, конечно, шло вразрез со всеми учебниками педагогики. Из Олега следовало сделать квинтэссенцию греха с одной-единственной прочнейшей установкой: хозяин всегда прав. Но пока мои усилия не начали приносить плоды, он был мальчиком чувствительным, эмоциональным и, кстати, добрым. Вы не знаете Олега, иначе, услышав, что он был когда-то добрым ребенком, вы как минимум рассмеялись бы мне в лицо.

Нет, я не противоречу себе. Доброта и любовь – понятия абсолютно разные, и одно другого отнюдь не подразумевает. Можно любить весь мир, никого не выделяя, и такая любовь ничем не будет отличаться от не-любви, поэтому я утверждаю, что Олег никогда никого не любил и что он был добрым и эмоциональным мальчиком.

Но я отвлекся.

Его приходилось ломать. Вы не педагог и, думаю, довольно слабо представляете себе, насколько тяжело ломается вполне сформировавшийся характер четырнадцатилетнего подростка. Особенно если ломка должна пройти по возможности незаметно и безболезненно. Это трудно. Это тяжелая работа для наставника, и не менее тяжелая работа для подопечного. Олега стлкнулся с множеством противоречий: его прежняя жизнь, установки, оставленные родителями, типовое воспитание детского дома, собственная мораль, в конце концов, – все это восставало против того, к чему подводил я. Самостоятельно разобраться в мешанине взаимоисключающих посылок он не мог. А помощи попросить было не у кого. Никого, кроме меня, не было рядом. Полагаю, я имею полное право быть гордым собой: у меня получилось не дать мальчику замкнуться. Постепенно, осторожно, действуя с гибкостью укротителя, я научил Олега верить. Мне.

И вместе мы разбирались в чудовищно сложных вопросах, бушевающих ребенка на пороге взросления. Вместе находили ответы. Вместе строили новую личность. И вместе уничтожали старую.

Это было удивительное время. Совершенный убийца родился у меня на глазах, с моей помощью. Я был тем гениальным скульптором, чей резец сбивал куски мертвого камня, открывая для мира произведение искусства. И чтобы очистить свое создание от остатков скверны, от морали, от совести, я в конце концов привел его к мысли, что он не человек вообще.

Как я уже говорил, поставить Олега *над* людьми не получилось. А вот внушить, что он в стороне, – это оказалось на удивление легко. Еще бы! Такая посылка снимала сразу все противоречия. Их просто не оставалось. То, что хорошо или плохо для людей, не может быть хорошо или плохо для, скажем, кошек. Или птиц. Представляете, насколько все стало просто?

Настолько же стало и сложно.

Я создал легенду, в которую поверил мой мальчик. Я помню, что это моя легенда, я помню, как придумывал ее, как подгонял друг к другу факты и вымысел, как подсовывал Олежке книги, фильмы, музыку... Я помню все это разумом. Но поверить уже не могу. Потому что даже человек, не верящий, что он человек, не способен творить зло с той беспечной легкостью, с какой делает это Олег. Какая-то мораль, какие-то нормы, что-то, что заложено у всех нас в генах, должно послужить ограничителем, но ни морали, ни норм, ни правильного генокода у него, кажется, нет. Он по-прежнему откровенен со мной, он все еще выделяет меня в своей не-любви, он, как и раньше, эмоционально зависим от меня... но все меньше и меньше в нем остается даже того мальчика-убийцы, который уже понял, что убивать – хорошо. Даже этого ребенка почти нет, понимаете? А что там есть? Я не знаю. Я верю в Олега так, как верит слепой хозяин в громадную и страшную собаку-поводыря. Слепец собаки не видит. Он знает лишь, что доверил свою безопасность твари, способной сожрать его заживо. И ему в голову не приходит, что такого зверя следовало бы бояться.

Я верю Олегу так же, как верит хозяин своему псу. И я вижу Олега несколько не лучше, чем слепец своего поводыря. Поэтому, при всей своей любви к нему, я говорю вам: я не знаю, кто или что носит сейчас его имя.

Хотя не так давно мальчик признался, что так и не смог до конца избавиться от человечности. Что он имел в виду? Одну историю десятилетней давности. Разумеется, я расскажу и об этом тоже. Должен заметить, что тогда девчонка доставила мне массу неприятностей...

Часть II

Солдат

*Если хочешь научиться летать —
Все, что знаешь до сих пор, – забудь,
Стань актеру на канате под стать —
От обрыва – до обрыва твой путь...
Жди – и, может быть, однажды в ночи,
На сплетении небесных дорог,
Сарабандой стук двери прозвучит,
Чужака впустив в беспечный мирок.
Это танец по осеннему льду —
Над заснувшей черной речкой скользя,
Испытай на благосклонность судьбу,
Только помни – оступаться нельзя —
Не поможет ни заслон, ни конвой,
Ни свинцовая метель-круговерть —
Милым мальчиком с седой головой,
Подойдет к тебе бездушиная смерть.*

Юлианна Малкова

Глава 1

История в великие минуты терпит и кормила власти лишь тех людей, которые способны направлять ход событий
Шарль де Голль

Транспортный корабль, носящий имя «Покровитель», уже миновал оживленные космические маршруты и со дня на день должен был уйти в прыжок. Команда транспортника готовилась к этому с будничной аккуратностью и, похоже, заранее скучала. Наладить связь между обычным пространством и теми его слоями, которые назывались на языке звездолетчиков «подвалом», до сих пор не удалось. Следовательно, на месяц глубокого полета «Покровитель» оставался предоставленным самому себе, без свежих новостей с Земли; без возможности поговорить с теми, кто остался дома; без помощи, если случится что-то, с чем экипаж не сможет справиться самостоятельно.

Впрочем, чему там случаться, в «подвале»? Даже шансов встретить другой земной корабль и то не было: никого, кроме «Покровителя», в этом районе космоса не ожидалось.

Скучный предстоял месяц. Особенно если учесть, что всех на транспортнике живо интересовали сводки новостей. В России творилось нечто из ряда вон выходящее: замешанная на крови и мистике стремительная чистка чуть не в самых верхах власти.

Корабельные приборы исправно ловили те из земных телеканалов, что были рассчитаны на космическое вещание, и население «Покровителя» в свободное от вахт время оживленно обсуждало «Русский ковен». Кто-то из телеведущих придумал название скандалу, который тогда только набирал обороты, а оно, как водится, прижилось.

На транспортнике в кои-то веки воцарилось почти полное единодушие. Мнения, расходясь от «расстрелять их всех!» до «чего еще ожидать от русских, там все психи», были тем не менее довольно близки. Да и настроения – полный набор от искреннего недоумения до шока – все-таки оказывались очень схожи.

Разумеется, трение никуда не делось. Оно неизбежно, трение, когда сходятся на одном сравнительно небольшом корабле звездолетчики, десантура, пилоты-истребители и ученые, причем среди последних есть, страшно сказать, женщины. Да, трение никуда не делось, однако, вопреки обыкновению, оно не перерастало в открытую неприязнь. Нашлась тема поинтереснее, чем обычное выяснение, кто круче, принятое в компаниях, где сходились пилоты с десанниками или военные с людьми сугубо штатскими. Благостное это состояние, правда, вот-вот должно было закончиться. Как только сводки новостей перестанут давать пищу для обсуждения, грызня обретет привычную остроту. А пока члены экипажа непринужденно заглядывали на огонек к ученым, пилоты снисходили до бесед с десантом, а две женщины, химик и биолог, те вообще были везде и одновременно. Так уж они устроены, женщины. Любые. Хоть биологи, хоть парикмахеры.

...– И все-таки, я уверен, такое могло случиться только в России, – убежденно заявил Отто Ландау, еще на Весте получивший от Азата прозвище Фюрер. – У вас к власти всегда приходят люди нечистые.

– Конечно, – безропотно согласился Азат, больше известный в роте под именем Пижон, – однажды, страшно подумать, грузин страной правил. Ох и досталось же чистым! Особенно когда у них монархию восстановили.

– Да я не о крови, – досадливо поморщился Ландау, – я о моральной чистоплотности. Власть должна быть у людей кристально честных и чистых. У людей с высоким чувством ответственности...

– Откуда бы взяться таким в несчастной России? – с чувством продолжил Пижон. – Зато прыжковые двигатели у нас изобрели. Русские, может, честностью не отличаются, зато у нас ушлости на десятерых.

– Молчал бы, русский, – беззлобно подначил Лонг. – Ты когда в зеркало последний раз смотрелся?

– Да я не о крови, – фыркнул Пижон.

В тесной шестиместной каюте собрался обычный состав спорщиков. И, как обязательный довесок, присутствовали Айрат с Азаматом. Слушать они не слушали: Азамат резался в шахматы с «секретарем», Айрат дремал, воткнув в одно ухо наушник от плеера. Двоим из «трех танкистов» было совершенно все равно, кто на этот раз выйдет победителем в затянувшейся дискуссии о «Русском ковене», но, поскольку они делили каюту с Пижоном, а тот день без спора считал прожитым напрасно, приходилось терпеть. Айрат выходил из сонного транса, когда громкость голосов превышала допустимый с его точки зрения уровень. Недовольно открывал глаза. Обычно этого хватало, чтобы спорщики сбавили тон.

Еще на Веронике Азат наградил кличками почти всю роту, без малого девяносто человек. Прозвища у него, надо признать, получались меткие и прилипчивые. Сам он несколько не возражал против Пиждона, Айрата же почти сразу начал именовать Айда-пину. Это безграмотное, зато наиболее часто употребляемое Айратом словосочетание очень точно отражало его сущность. Вместо «пину», конечно, следовало бы говорить «пну», но Айрат переучиваться упорно не желал, вполне резонно объясняя, что пнет он или пинет, результат будет один. И слова с делом расходились у него редко.

Айда-пину довольно быстро превратилось просто в Пину, а потом в «Пенделя», однако изменение прозвища не смягчило норова, так что даже во время наиболее ожесточенных дискуссий Айрата старались не раздражать.

В пластиковую переборку аккуратно, но громко постучали, и спор прервался сам собой. Постучаться перед тем, как зайти в переполненную гудящую голосами каюту, могла только Ула Эчнахталь. Эта в общем довольно нахальная дама в некоторых вопросах была деликатна до абсурда.

Фюрер сорвался с койки и распахнул перед гостьей дверь.

– Привет, мальчики! – небрежно бросила Ула, мимолетно пробежав взглядом по притихшим десанникам. – Все ругаетесь? Все о глупостях? Пендель, ты бы разгонял их, что ли? Лонг, можно я сяду?

Она устроилась на койке Лонга, покосилась на Пиждона и тоже сложила ноги калачиком.

– Через полчаса прыжок, – сообщила будничным тоном. – Как у вас с боевой готовностью?

– А у вас? – поинтересовался Фюрер.

Ула пожала плечами:

– А что у нас? Бегают эти в форме, сотый раз рассказывают, кому где быть и что куда пристегивать. Здесь не бегают?

– Здесь один раз объяснить достаточно. Нам и объяснили. Еще до полета.

– Ну да. У вас дисциплина. – Ула хмыкнула. – Сколько раз прыгала, всегда одно и то же: сначала пугают, потом сообщают, что полчаса уже, как в «подвале» идем.

– Что, прыжок обычно не заметен? – с делано безразличным видом спросил Лонг.

Ула тряхнула рыжими кудряшками:

– Совсем. Если, конечно, он проходит нормально. А если ненормально, так все равно смысла нет пристегиваться.

Пиждон поправил подушку и улегся на койке, здраво рассудив, что никакие разговоры о прыжке личного опыта все равно не заменят, а посему последние полчаса можно просто молча

полежать. Кто его знает, что будет потом? До Весты, конечно, тоже через «подвал» добирались. Но тогда все боя ждали, бояться как-то времени не нашлось, и не запомнилось почти ничего.

Ула рассказывала о двух предыдущих экспедициях, в которых ей довелось побывать, Пендель, убедившись, что спорщики прекратили орать надолго, уже заснул и даже начал похрапывать. А Тихий, в сотый раз изничтожив «секретаря» в шахматы, теперь с тем же скучающим видом играл в бессмертного «сапера». И не надоедало ведь ему! Впрочем, Тихий – он и есть Тихий.

Вот кому прозвища придумывать не пришлось. Когда-то давно, еще в школе, на пионерской линейке в конце года, завуч и директор рассказывали большущему московскому начальству о достижениях вверенного им учебного заведения. С чего и почему принесло это начальство в самую обычную среднюю школу Набережных Челнов, осталось для Пижона загадкой. Но он помнил, как по одному вызывали из строя отличников и отличниц, победителей конкурсов и олимпиад. Его, кстати, тоже вызывали. Заодно и приз тогда вручили – два тома Маяковского за какой-то литературный конкурс. Айрата выдернули – как же, непобедимый дзюдоист, областного, шайтан их дери, уровня. А начальство из Москвы понимающе улыбалось в ответ на шутки завуча: мол, Азат у нас, конечно, мастер пера и в будущем наверняка станет известным писателем, но пока он больше известен как расписыватель свежеекрашенных стен в родной школе. А Айрат, без сомнения, заслужит олимпийские медали, если, конечно, он оставит свою привычку драться с каждым встречным-поперечным. В общем, из пятнадцати удостоившихся особого внимания пионеров четырнадцати мягко погрозили пальчиком. И только про Азамата завуч сказала с гордостью:

– Очень тихий мальчик.

– И все? – удивилось начальство.

– Ах, да нет, конечно, – спохватилась завуч, – Азамат у нас математик. Победитель областной олимпиады. Имеет разряд по шахматам...

– Ах, по шахматам, – понимающе улыбнулось начальство, – ну шахматисты – они все тихие.

Московская тетенька и завуч разговаривали рядом со стоящим на крыльце микрофоном. Слово «тихий» носилось по двору, гулко отражалось от стен, само себя перекрикивало. Азамат мучительно краснел.

– Очень хороший ученик, настоящий пионер, – завуч покачала головой, – один такой на всю школу.

Азамат насупился, сверкнул глазами и сообщил громко и отчетливо:

– Я вчера окно разбил. Большое. В булочной.

Первыми начали смеяться родители, что стояли позади любимых чад, терпеливо пережидая официальную часть выпускного дня. За ними – благо в последний день учебы о дисциплине можно и позабыть – грохнули старшеклассники. И лишь чуть погодя, после коротенькой, но такой многозначительной паузы, рассмеялись завуч и начальство.

А прозвище «Тихий» с тех пор прилипло к Азамату намертво.

Да он и был тихим, если не вскидывало, как тогда, на линейке. Математик и шахматист, какой с него спрос? Вот Айратка, это да. Это просто мина ходячая. От него и своим и чужим перепадает, «кто выступает, тот и валяется».

Зато Алька у Тихого боевая. Если надумает Азамат жениться, Алька его мигом под каблук загонит. Такая девчонка... глаза огромные сделает, голосок нежный-нежный, а Тихий на цырлах вокруг пляшет, ест с руки, был бы хвост – вилял бы. Ладно, может, ему так даже и лучше. Тихий – он «домашний» ребенок.

Ула, кстати, на него поглядывает.

Пижон в свою очередь поглядел на Улу. Смотреть особо было не на что: махонькая – чуть выше полутора метров – рыжекудрая пышка. Насколько успел понять Азат, тоже довольно

боевая, однако, в отличие от умненькой Альфии, не маскирующая характер наивным взглядом. Здесь, на «Покровителе», немка-биолог пользовалась успехом, но по всем пунктам проигрывала другой даме, Марии Санчес, доктору химических наук. Та, несмотря на пугающее профессорское звание, была сверхъестественной красавицей, умницей, каких мало, да к тому же чистокровной испанкой.

Впрочем, у нее и круг общения был не тот, что у Улы. Профессор Санчес простую десантуру вниманием не удостоивала, предпочитая офицеров «Покровителя».

Доктор биологии Ула Экнахталь тоже поначалу воротила свой короткий носик от космических пехотинцев, рода войск, без сомнения, героического, но ничего особо интересного собой не представляющего. Пехтура, она пехтура и есть. А потом, сейчас уж и не вспомнить как, обнаружилось вдруг, что Фюрер учился с ней в одной школе. Фюрер никакую Экнахталь, конечно, не вспомнил, просто потому что таких вообще не запоминают. А вот Ула его узнала. Отто, хоть и учился на три класса младше, известен был на всю школу, да и внешность у него запоминающаяся.

Так и пошло. Доктор химии при встрече с десантниками разве что не морщится брезгливо, зато доктор биологии всех девяносто человек по именам знает, и каждый из этих девяносто за нее готов и в огонь и в воду. Пока других дам поблизости нет. А их еще долго не будет. До появления первых колонистов на Рапторе полгода прожить придется. А с колонистами и смена придет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.